

Татьяна Фильченкова

Маулиха

Книга I

Вера

18+

Татьяна Фильченкова
Паучиха. Книга I. Вера

«Автор»

2023

Фильченкова Т. В.

Паучиха. Книга I. Вера / Т. В. Фильченкова — «Автор», 2023

Человек – творец и хозяин своей судьбы. Или же он ресурс для Ирия, чьи зрители маргасты неусыпно следят, чтобы тонкие миры получали причитающуюся им дань из людских переживаний? Как сложится судьба советской женщины, если на пути к простому человеческому счастью ей повстречается демон и скажет, что теперь её жизнь принадлежит потусторонним силам?

© Фильченкова Т. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 3. Колония	17
Глава 4. Война	23
Глава 5. Саратов	26
Глава 6. Полевой госпиталь	31
Глава 7. Павел	39
Глава 8. Возвращение	48
Глава 9. Новый Бор	52
Глава 10. Дедушка	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Татьяна Фильченкова

Паучиха. Книга I. Вера

Глава 1. Гость

Август 1932 г.

Почтальон пришёл под вечер, нарушив стуком ленивый дачный покой.

– Телеграмма Шувалову А. А.! – раздался нетерпеливый крик.

Отец отложил газету и отправился открывать. Мама с бабушкой переглянулись тревожно.

– Неужели вызывают опять? Алёша только три дня с нами побыл, – проговорила бабушка не то маме, не то пасьянсу, над которым сидела.

Отец вернулся в гостиную с листком серой бумаги, протянул его маме. Та прочитала, охнула и передала бабушке, бабушка – брату Саше, а Саша – домработнице Фане. Фаня pokrутила телеграмму в руках, переворачивая так и этак, и сунула Верочке:

– Глянь, чего там?

Верочка взяла листок, прочитала вслух написанное на наклеенных узких полосках:

– Буду завтра семи вечера Ялте тэ-че-ка встречать не надо тэ-че-ка Былин.

– Это мой командир, – пояснил папа. – Погостить приедет.

Сразу стало шумно. Мама с бабушкой побежали в кухню, достали из выдвижного ящика буфета потрёпанные блокноты с рецептами. Бабушка надела очки, нацарапала сточенным огрызком химического карандаша на чистой странице «Ужин». Спросила маму:

– Лариса, встречать пирогами будем? Расстегаи с ватрушкой подадим? Фаня, лезь в подпол, сосчитай, сколько яиц осталось. Утром творог купишь, только смотри, чтобы мокрый не подсунули.

– Елизавета Денисовна, они же, наверное, вино будут. Надо бы из закусок чего поставить.

– Огурцы трёхдневные готовы уже. Фаня ещё грудинки возьмёт. А на обед что? Солянку?

– Жарко для солянки. Может, окрошку?

– Квас надо ставить. Фаня, посмотри, есть ли изюм.

Из подпола раздалось:

– Изюм в буфете быть должен. Яиц пяток только остался.

Мама открыла дверцу буфета:

– Тут орехи ещё. Можно штрудель испечь.

– Верно, штрудель на завтрак к кофе подадим. – Тут бабушка заметила Верочку: – Деточка, не крутись под ногами. Отнеси орехи отцу, пусть с Сашей поколют.

Папа с братом остались в гостиной. Саша спрашивал:

– А этот Былин, он чем командует?

– В войну – дивизией. А сейчас в Кремле сидит, много кем командует. Сам Сталин с ним советуется.

– Вот это да! И он так запросто к нам в гости приедет?

– Уж, наверное, не просто. Какой-то разговор у него ко мне имеется.

Верочка отдала орехи. Папа расстелил на столе вчерашнюю газету, достал из кармана перочинный нож и, не прерывая разговора, принялся чистить. Саша всё сыпал вопросами:

– А он на чём приедет?

– Скорее всего, прилетит. На самолёте.

– Где же он тут приземлится?

– Не тут, а на аэродроме. А к нам уже на автомобиле доедет.

– А самолёт какой? Истребитель?

Верочке стало неинтересно. Ей уже не нравился этот Былин. Папа и так ненадолго приехал, а теперь они с командиром закроются в кабинете и будут целыми днями говорить о делах. Она поднялась к себе в комнату и устроилась с книжкой под настольной лампой.

Мама разбудила всех ни свет ни заря. Фане вручила корзинку, длинный список покупок и отправила на рынок. После опомнилась, что Фаня не умеет читать, и отправила ей вдогонку Сашу.

– Верочка, а ты полы вымоешь. У Фани сегодня дел невпроворот.

Мама с бабушкой взялись месить тесто. Верочка надула губы. Опять ей поручили самое скучное.

К обеду от запаха пирогов с ума можно было сойти. Пустые животы урчали и требовали вкусного. Наконец бабушка сжалась, накормила Веру с братом вчерашним супом и дала в утешение по расстегаю. Но к сладким пирогам строго-настрого наказала не прикасаться.

Радио пело «Вихри враждебные веют над нами». Бабушка сказала Фане:

– Выключи эту какофонию.

– Мама, – с укором проговорил отец.

– Алёша, у меня и так голова от печки раскалывается.

– Ну не при детях же, – сказал он тише.

Когда с готовкой было покончено, бабушка вскипятила воду и отвела Верочку в холодную баню. Там намылила ей голову, а после долго промывала волосы над тазом. Набросив полотенце на плечи, разложила по нему мокрые пряди и велела:

– Ступай сушиться на солнце, но сперва отправь сюда Фаню. Пусть приберёт и истопит баню для гостя.

К семи вечера Верочку нарядили в светлое платье. В чистые, выбеленные солнцем волосы вплели атласные ленты. Мама надела шёлковую блузку, а бабушка – кружевной воротничок. Все собрались на веранде встречать важного гостя. Саша залез по приваленной к стене дома лестнице на крышу, чтобы первым увидеть появление командира. Верочка тоже хотела на крышу, но бабушка сказала, что приличные девочки в красивых платьях по лестницам не лазают.

– Едет! Едет! – закричал Саша.

Вскоре послышался рёв мотора, закружилась рыжая пыль, и перед калиткой остановился чёрный автомобиль. Распахнулась задняя дверь, из неё вышел не бравый военный в форме, а дачник в белой тенниске и соломенной шляпе с воткнутым в тулью огромным зелёным пером.

– Это командир? – разочарованно протянул Саша.

– Ещё какой! – усмехнулся папа. – Вон, усищи, как у Чапая.

Он шагнул навстречу гостю. Они пожали друг другу руки и тут же крепко обнялись. Потом Былин поздоровался с мамой и бабушкой, поцеловал им руки и подошёл к Верочке:

– Здравствуй, прелестное создание! Можешь звать меня дядя Игорь. А тебя как величать?

– Вера, – ответила она.

Он наклонился, взял её ладошку и поднёс к своим губам. Кожу защекотали усы. Верочка зажмурилась от страха: где это видано, чтобы октябрятам руки целовали? А Былин уже знакомился с Сашей.

Первым делом отец с гостем отправились в баню, а после сели за стол. Входя в дом, ещё до бани, дядя Игорь снял шляпу и оставил её в кресле на веранде. Верочке очень хотелось рассмотреть перо, но бабушка запретила выходить, пока мужчины парились. А потом дверь и вовсе заперли.

За столом говорили о скучном. Верочка так устала за день, что даже не почувствовала вкуса ватрушки. Мама заметила, что она клюёт носом и отправила её спать. Верочка поцело-

вала родителей и бабушку, показала Саше язык, пожелала доброй ночи дяде Игорю и ушла к себе. Сил едва хватило, чтобы раздеться.

Проснулась она позже всех. Когда спустилась в столовую, отец с гостем уже садились за стол, мама разливала кофе, бабушка с Фаней раскладывали по тарелкам штрудель. Верочка вспомнила о пере, быстро позавтракала и выскользнула из дома. Шляпа по-прежнему лежала в плетёном кресле на веранде. Ветер шевелил пушинки пера. Оно оказалось не просто зелёным, а с глазком на расширенном кончике.

«Ух ты, неужели павлинье? Где же командир его взял?»

Верочка так залюбовалась, что очнулась, когда за дверью раздались шаги и голос отца. Боясь, как бы её не поймали, она юркнула за кресло. Отец с гостем вышли на веранду и закурили.

– Хорошо у вас. Воздух крепче одеколona, – протянул Былин, выпуская дым.

– Ты ещё на море не был. Докурим и пойдём, устроим заплыв. Я сам четвёртый день здесь, а только два раза искупался. Мать с женой всё время мне какое-нибудь занятие находят.

– Супруга тоже из ваших?

– Что, заметно?

– Заметно. Устроил ты дворянское гнездо.

Отец ответил с горячностью:

– Да Лариса чуть богу душу не отдала в первый год после революции! Семью убили, ей даже угла не оставили. Мать её приютила в своей комнатёнке. Я вернулся, что делать было? Я же Лару с детства знал. Женился.

– Богу душу... Да, Шувалов, шкурку-то легко сменить, а нутро, оно неизменное.

– Игорь, да пойми ты, нет во мне притворства! Сам же видишь, у нас без излишеств. Ты говоришь: «дворянское гнездо», а я тебе скажу, что все так жить должны. Ликбез надо не только в образовании проводить, но и в культуре. Не для того мы воевали, чтобы народ продолжал в убогости прозябать.

Былин затаился, щелчком откинул окурок и процедил зло:

– А тут ты прав. Сколько ни борись, найдутся те, кого к старому тянет. Ты же понимаешь, что не в гости я к тебе из Москвы летел. Плохи дела, Алексей. Сопrotивляется крестьянство коллективизации. И как сопротивляется! Скот забивают, посеы жгут, воруют у колхозов. Помощь твоя нужна, чтобы порядок навести.

– Мне что же, с крестьянами воевать?

– Они прежде всего враги. Сами не желают жить по-новому и другим не дают. А что с врагами советской власти делают?

Верочка поняла, что подслушивает военную тайну, и зажала уши. Что делают с врагами советской власти, она не узнала, но и через ладошки прорвался страшный грохот, звон посуды и женские крики.

Кричали в доме. Папа с Былиным вскочили с кресел и бросились на шум. Верочка наконец выбралась из своего убежища и побежала за ними.

Столовая была словно в дыму. Мама с бабушкой кашляли, их лица и волосы будто присыпали пудрой. Люстра качалась на оборванном проводе, а на столе, среди осколков посуды, лежали куски штукатурки. Верочка подняла голову: на потолке темнел провал.

– Все целы? – спросил папа.

Мама закивала, откашливаясь в фартук. Бабушка проговорила горько:

– Дурной знак.

– Мама, ну что ты со своими суевериями! Что случилось-то? Потолок обвалился, дело житейское, залатаем.

– А где нам к обеду накрывать? Нельзя же в этом разгроме сидеть! – Мама принялась собирать в фартук осколки посуды. – Фаня, где ты?

Фаня выглядывала из дверей в кухню и крестилась.

– Ты мне это дело прекращай! – погрозил пальцем отец.

– Алёша, оставь, она испугалась, – вступилась за Фаню мама. – Лучше помоги убрать и стол перенести.

Отец смутился:

– Ларис, я тут Игорю море обещал показать.

– Ну какое море! Успеется. Сначала порядок наведём, – успокоил его Былин.

– Нет, даже не думай! Ты гость.

– Тогда вот что. Ты оставайся, а Саша с Верочкой проводят меня на пляж.

На такой вариант папа согласился.

Вера повела дядю Игоря через дачный посёлок к пологому спуску. Он остановил её:

– А есть дорога короче?

– Есть, только у Верки кишка тонка по ней ходить, – хихикнул Саша.

– Показывай, – велел Былин.

Саша нырнул в проход между участками и вывел к крутому каменистому спуску. Узкая тропка терялась в тени нависших над ней кустов.

– Да ты настоящий разведчик, – рассмеялся Былин. – Ну идём.

Верочка сжалась от страха, но пошла, стараясь держаться поближе к дяде Игорю. На середине спуска кусты подступали совсем близко к тропинке. Он всегда поджидал в этом месте, таился, а стоило подойти, как выскакивал из зарослей, топорщил рога и тряс бородой. Вера невольно прижалась к Былину. Тот заметил и спросил:

– Верочка, ты чего-то боишься?

– Боится, – ответил за неё Саша. – Там козёл пасётся.

– А ты, значит, смелый?

– Ага. Надо просто быстро пробежать. Вот так.

Саша понёсся вниз и вскоре скрылся за ветками, только доносилось, как шуршал гравий под его ногами.

– Теперь он точно выскочит, – прошептала Вера.

Былин присел перед ней:

– Верочка, я могу научить тебя, как не бояться. Но это военная тайна. О ней никому нельзя рассказывать, даже Саше. Ты же знаешь, какие мальчишки хвастуны? Как пить дать проболтаются.

Вера кивнула и спросила:

– И папе нельзя?

– И папе. Ему, конечно, о ней положено знать, но что он обо мне подумает? Что командир – болтун? Нехорошо ведь получится?

Вера снова кивнула.

– Значит, договорились. О тайне никому. – Былин взял её за руку. – Ты чувствуешь, где внутри сидит страх?

Верочка удивилась. Как это, где сидит? Да он везде. Ворочается в животе. От него дрожит голос, слабеют ноги и мурашки бегут.

Былин уткнулся пальцем ей в солнечное сплетение:

– Собери его здесь. Весь собери. – Он сильнее сжал её руку.

Вера почувствовала, как страх уходит их холодных пальцев, из-под дыблящихся волос и стекается под грудь, теснится там, давит, хочет вырваться.

– А теперь ты должна его выпустить. Страх укроет тебя снаружи, создаст оболочку... – Былин осмотрелся и сорвал лист тутовника с куколкой. – Назовём её коконом. Он защитит тебя. Я показываю, а ты запоминай.

Страх потёк наружу. Стало легче, но никакого кокона Вера не увидела. Былин вынул перо и коснулся им оболочки. Кончик упёрся в невидимую преграду и согнулся.

– Держи. – Он отдал перо Вере. – Проверь, надёжен ли кокон. А если испугаешься, снова выпускай страх наружу. И верь, что кокон тебя защитит. Как только ты усомнишься, он пропадёт. Теперь идём к козлу.

Они медленно спускались к месту засады. Былин по-прежнему сжимал Верину руку, а она то и дело касалась пером кокона.

Хоть она и ожидала появления козла, всё равно вскрикнула, когда он выпрыгнул на тропинку. Большой, чёрный, косматый, он наклонил голову, выставил рога и пошёл на Веру. Она давно бы убежала, если бы её не держал дядя Игорь.

Козёл упёрся рогами в кокон и остановился, затряс бородой, не понимая, что мешает ему добраться до Веры. Отступил немного и снова пошёл в атаку. Верочка выставила перед собой перо. Козёл опять наткнулся на кокон, заблеял зло, затопал копытами и вдруг убежал в кусты, посрамлённый.

Верочка засмеялась:

– Такой страшный, а испугался пёрышка. Дядя Игорь, оно волшебное?

– Нет, Верочка. Волшебства не бывает, есть только распределение энергии. Советские учёные открыли, как её использовать. А перо пусть останется у тебя, чтобы ты не забыла, как создавать кокон.

Верочка не поняла, что такое энергия, но спрашивать не стала, а то ещё Былин заговорит о скучном. К тому же у неё появилась куча других вопросов:

– Дядя Игорь, а от мальчишек кокон тоже спасёт?

– С мальчишками сложнее, они не козлы. Хотя... Они тебя обижают?

– Не все, только деревенские. Обзывают буржуйкой и песком кидают. Он в волосы забивается, а меня потом бабушка ругает.

– Они только тебя обзывают или Сашу тоже?

– Сашу они боятся: ему двенадцать, он им уши надерёт.

– А тебе сколько?

– Мне девять через пять дней.

– Значит, совсем скоро в пионеры. Вот что, Верочка. От песка кокон, конечно, не защитит, но тебе не будет больно и страшно.

– Правда?

– Ещё какая правда. Думаешь, почему красноармейцы даже под пытками врагам в лицо смеются?

– Потому что они в коконе? Папа тоже умеет кокон делать?

– Умеет. Только знать об этом никто не должен. Иначе выведают шпионы тайну, и Красная армия лишится преимуществ.

Верочка кивнула:

– Я поняла. Никому не скажу, честное октябратское.

– Вот и славно. Теперь идём, а то Саша нас уже заждался.

К их возвращению в столовой навели порядок. Она стала пустой без стола и какой-то чужой. Мама с Фаней накрывали к обеду в гостиной. Бабушка, заметив перо, спросила:

– Откуда оно у тебя?

– Да выклянчила у дяди Игоря! – ответил Сашка, будто его кто-то спрашивал.

Верочка упёрла руки в бока:

- А вот и не выклянчила! Дядя Игорь мне сам подарил!
- Дети, не ссорьтесь. Мойте руки – и за стол, – велела мама.

После обеда папа с Былиным закрылись в кабинете и просидели там до самого ужина. Верочке очень нужно было спросить дядю Игоря, как делать кокон, если не страшно, но мешать разговорам взрослых было нельзя, поэтому она села под дверь и ждала, когда они выйдут. Её заметила Фаня, спросила тихо:

- Ты чего тут? Подслушиваешь?
- Верочка завертела головой, прошептала возмущённо:
- Я не подслушиваю!
- Так иди погуляй. Или делом займись!
- Пришлось уйти в сад с книжкой.

Былина Вера увидела только за ужином. Но спросить не получалось, он сидел слишком далеко, а после ушёл с папой курить на веранду.

Фаня убрала со стола. Мама села за пианино и разложили ноты. Звуки музыки вернули мужчин в гостиную. Устроившись в креслах, они слушали, как мама поёт. Бабушка и отца попросила спеть. Он долго отпирался, но на помощь Елизавете Денисовне пришёл Былин. Папа поднялся из кресла, сказал:

- Приказ командира положено исполнять.
- Они с мамой запели дуэтом, а Верочка подкралась к Былину и зашептала:
- Дядя Игорь, а как делать кокон, если не страшно?
- Он ответил также шёпотом:
- Зачем же тебе кокон, если не страшно?
- А если я разозлюсь или обижусь так сильно, что страха не почувствую?
- Тогда делай кокон из злости.
- Так можно?
- Можно.

Отец вернулся в кресло. Верочка отошла в сторонку.

Фаня внесла самовар, поставила на стол чашки и вазочки с вареньем. Сели пить чай. У папы в усах застряла косточка от вишни. Мама сняла её и вытерла усы салфеткой. Былин наблюдал с улыбкой:

- Эх, хорошо у вас. Так посмотришь – и самому жениться захочется.
- Давно пора, – ответил ему отец.

Былин усмехнулся как-то грустно:

– Жена, Алексей, это ведь не только пироги и борщи. Она по духу родной должна быть, верить в тебя без капли сомнения. Не встретил пока такую. Если только Верочку твою в жёны возьму, когда подрастёт.

Верочка ахнула:

- Дядя Игорь, вы же стареньким станете!
- М-да, проблема, – рассмеялся Былин. – Видать, не судьба мне жениться.

Утром Былин уехал. Провожать его вышли всем семейством. Он пожал руку отцу и сказал:

- Даю тебе два дня на прощание, а после жду в Москве.
- Верочка сникла. День рождения через четыре дня. Опять праздник пройдёт без папы.
- Ну, Верочка, будешь меня ждать? – вдруг обратился к ней Былин. – Как расцветёшь – приеду свататься.

Верочке не хотелось отвечать при всех. Она замахала ладошкой, чтобы Былин наклонился, и зашептала ему в ухо:

– Пусть советские учёные сделают вас молодым, тогда дождусь.

Он кивнул и ответил серьёзно:

– Непременно дам им такое задание.

Сел в чёрный автомобиль и уехал.

Верочка взобралась на крышу и смотрела вслед. Когда автомобиль уже выехал из посёлка, из окна вылетел светлый круглый предмет, прокатился по обочине и исчез в бурьяне.

– Ой, это же шляпа! Наверное, ветром сдуло.

Верочка ждала, что автомобиль вот-вот остановится, из него выскочит Былин и подберёт шляпу. Но вместо этого машина ускорила, её очертания размывались, делались прозрачными, пока вовсе не растворились в клубящейся дорожной пыли. Автомобиль исчез.

– Ничего себе! – изумилась Верочка. – Да-а, чего советская наука достигла.

Она слезла с крыши и побежала искать шляпу. Обшарила все придорожные кусты, но не нашла её.

– Неужели украли? – Она осмотрелась по сторонам, но заметила только чаек. Верочка пригрозила им кулачком: – У-у, воровки! Враги советской власти!

Чайки рассмеялись в ответ.

– Ладно, – махнула рукой Верочка. – Может, вам шляпа для гнезда понадобилась.

Больше она не стала задерживаться. Ведь у неё было столько дел! Надо взять перо и бежать на тропу ещё раз проучить козла. А после – к мальчишкам.

Верочка шумела погромче, чтобы козёл её услышал издали и точно вышел. Она боялась, что без Былина не получится сделать кокон, но всё равно шла. Перед самым тёмным и узким местом остановилась. Стало так страшно, что Вера чуть не повернула назад, но тут же разозлилась на себя, топнула ногой и сказала строго:

– Вера Шувалова, ты трусиха! Разве будущие пионеры так себя ведут? Если убежишь, то так и будешь бояться.

Она замолчала и прислушалась, как угасает эхо её слов. И даже сквозь стучащий в ушах пульс различила крадущиеся шаги козла, быстро собрала свой страх, выпустила его и укрылась коконом. Проверила пёрышком. Получилось!

На тропинку выскочил козёл. Верочка вскрикнула, испугалась, что кокон не защитит, тут же вспомнила, что нельзя сомневаться, и выпустила наружу новую порцию страха. Козёл, помня вчерашний конфуз, ходил вокруг кокона, не решаясь напасть. Вдруг заблеял жалобно, поджал хвост и убежал в кусты. Путь был свободен.

Мальчишки грелись на солнце после купания. Они заметили Веру, как только она сошла с тропы и уже набирали полные горсти крупного колючего песка. Вместо того чтобы бежать, она пошла прямо на них.

– Буржуйка, ты совсем страх потеряла? Вали на свой буржуинский пляж!

В лицо Верочке полетел песок. Она зажмурилась по привычке, но почувствовала только лёгкое прикосновение, будто кожу защищала ткань. Вера повернулась к мальчишкам спиной и медленно пошла от них по полосе прибоя. Они бранились ей вслед, но она лишь гордо улыбалась и совсем не боялась их.

Вскоре проводили отца, а после Верочкиного дня рождения стали паковать вещи и собираться в Ленинград. Мебель укрыли от пыли чехлами. Фаня привела бородатого мужика, который заколотил окна досками. Можно было ехать. Лето кончилось.

Глава 2. Счастливое детство

Папа не приехал ни на годовщину революции, ни на Новый год. Он пропустил приём Верочки в пионеры и Сашин день рождения. О том, где он, узнавали только по названиям

незнакомых деревень в Поволжье на конвертах редких писем. О себе отец не рассказывал, больше справлялся, как дела у родных и писал, что очень скучает. Верочка понимала, что причиной его немногословности была военная тайна.

Постепенно живой образ отца выцвел до потускневшей фотографии в гостиной. На ней папа улыбался напряжёнными губами и смотрел куда-то в сторону, будто виновато отводил взгляд. Верочке больше нравились снимки, которые хранились в альбоме у бабушки, в квартире на Васильевском. Точнее, в комнате, что оставили Елизавете Денисовне от роскошных апартаментов Шуваловых. Но то была уже семейная тайна, говорить о ней с чужими запрещалось строго-настрого. Как и о бабушкиных альбомах. Их доставали, когда дверь комнаты запирали на ключ. В одном из них бабушка хранила папино детство. На самых первых снимках отец был походил на девочку со светлыми кудряшками и в платье. После платьице сменила матроска, матроску – форма гимназиста, а ту – юнкерская. На последней фотографии молодой офицер Русской императорской армии старался казаться серьёзным, прятал улыбку в тонких усиках, но глаза искрились смехом. Снимок был сделан перед уходом отца на фронт Первой мировой. Вернулся он в Петроград уже красным комиссаром.

Был ещё один, самый секретный альбом. Его бабушка показывала редко. В нем скрывалось прошлое самой Елизаветы Денисовны, когда-то очень давно, ещё до рождения отца, служившей фрейлиной в свите императрицы Марии Фёдоровны. Бабушка вспоминала о своём звании с гордостью и иногда доставала из глубин шкафа бальное платье, пропахшее нафталином.

Верочка хранила семейную тайну, но никакого сожаления по прошлому не испытывала. Она ведь жила в лучшей на свете стране, на страже которой стоял её папа. Вместо апартаментов на Васильевском комитет выделил семье Шуваловых просторную квартиру на Мойке. В ней бы и бабушке место нашлось, но Елизавета Денисовна ни в какую не соглашалась покинуть свою комнату. Верочка догадывалась, что причиной тому был укрытый портьерами угол с иконами. У себя в доме отец не потерпел бы предметов религиозного культа.

Наступила весна, а отец так ни разу не проведаль семью. Даже не написал, когда приедет. Мама украдкой плакала, у бабушки горела лампадка перед иконами, и Верочка понимала, что всё это из-за папы. Впрочем, ни разлука с отцом, ни слёзы матери не могли огорчить её надолго. У пионерки девяти лет столько дел в школе! А ещё балет. И подружки. И новый фильм в кинотеатре.

Закончился учебный год. Шуваловы, как повелось из лета в лето, ехали на дачу под Ялтой. Верочка, собирая вещи, положила на дно чемодана павлинье перо. За весь год ей ни разу не пришлось испробовать кокон, ведь в Ленинграде не водилось козлов и мальчишки были не такие противные.

В первое же дачное утро она взяла пёрышко и отправилась к морю по тропе в зарослях. Верочка долго ждала козла, но он так и не вышел.

Вместо вредных мальчишек в песке возились малыши не старше семи лет. Верочка подошла к ним:

– Мальчики, вы знаете козла, который прошлым летом тропу сторожил?

Мальчишки прервали игру и обернулись к Вере.

– Знаем. Это Митькиного деда козёл был.

Чумазый Митька улыбнулся, показав зазор вместо двух передних зубов:

– Издох он.

– Как издох? Когда? – удивилась Верочка.

– А тем летом ещё жрать перестал и к осени издох, – радостно сообщил Митька.

Верочка отошла в сторону, провела кончиком пера по руке, задумалась. Неужели козёл умер от страха? Что же с мальчишками, которые обзывали её буржуйкой? Она вернулась к малышам:

- А где старшие ребята, которые здесь были всегда?
- Их председатель на работы отправил.
- Кого на рыбу, кого на виноградники.
- А нас не взял, сказал, что малы ещё, – загалдели мальчишки.

Верочка успокоилась. Если обидчики живы-здоровы, значит, кокон не убивает, по крайней мере, людей. Она искупалась и вернулась на дачу. Перо за ненадобностью заложила между страниц книжки.

Обвалившийся потолок в столовой заделали. Стол вернулся на прежнее место. Только вечерами без папы было тихо. Даже Фаня как-то особенно осторожно гремела кастрюлями. Мама то вязала, то читала. Бабушка раскладывала пасьянсы. Верочке казалось, они специально не играют на пианино, не поют и не разговаривают, всё вслушиваются в тишину и пытаются уловить в ней шаги отца. А от него с мая не пришло ни одного письма.

Подходил к концу июль. Верочка загорела, вытянулась, завела дружбу с такими же приехавшими на каникулы девчонками. В компании подружек не было ни скучно, ни страшно. В то лето всех обуяла страсть к собирательству ракушек. Вера раскапывала песок в их поисках, когда её окликнули.

Она не сразу узнала отца в позвавшем её мужчине. За год он осунулся, над переносицей и в уголках рта залегли складки, делающие раньше весёлое лицо угрюмым. Он улыбнулся так же натянуто, как на фотографии в гостиной, и виновато отвёл взгляд. Верочка не решалась подойти и обнять этого чужого человека, стояла как вкопанная, пока брат Сашка не выскочил из волн с криком: «Папка-а!» и не побежал, окатывая загорающих водой и песком, взметавшимся из-под босых ног. Вслед ему неслись брань и угрозы, но Сашка их не слышал. Он уже висел на шее отца. Тогда Верочка ожила и прижалась к папе.

А после все вместе пошли купаться. Папа учил Веру плавать, поддерживая в воде крепкими руками. Верочка смеялась, молотила пятками по волнам, и в искрящихся солёных брызгах отец снова стал родным.

Вечером наконец подняли крышку с клавиш пианино, отец с бабушкой пели дуэтом «Утро туманное». Потом папа исполнял куплеты Вертинского под собственный аккомпанемент, а Вера с Сашей смеялись. Мама впервые за лето не занимала рук вязанием. Она не сводила счастливых глаз с отца. Когда же бабушка предложила ей спеть, мама отказалась:

- Елизавета Денисовна, у меня голос дрожит от волнения. Боюсь, расплачусь.

Верочке вспомнился музыкальный вечер прошлым летом, когда дядя Игорь в шутку сказал, что женится на ней.

- Папа, а Былин к нам приедет? – спросила она.
- Кто? – удивился отец.
- Твой командир, Былин, дядя Игорь.

Отец в недоумении посмотрел на Веру, на Сашу, на маму с бабушкой:

- Верочка, у меня никогда не было такого командира.

– Как же не было? Он приезжал... ой, прилетал к нам прошлым летом из Москвы. Такой с усами, как у Чапая, и в шляпе. И перо, перо было! – Она побежала к себе, достала из книжки пёрышко и вернулась с ним в гостиную. – Вот же! Неужели не помните? Мне его Былин подарил.

Все качали головами, только Сашка хлопнул себя по коленкам и хохотнул:

– Вот врушка! Она это перо в ботаническом саду подобрала и спрятала под платье, чтобы не заставили вернуть.

– Что ты придумываешь?! Завидно? – возмутилась Верочка. – Тогда потолок в столовой обрушился, и мы с дядей Игорем на пляж пошли. Или про потолок я тоже вру?

Про потолок все помнили, а вот про Былина нет. Только бабушка неуверенно проговорила:

– А ведь кто-то гостил. Мне почему-то кажется, что это был товарищ Алёши, ещё по кадетскому корпусу. – Она разгладила складки скатерти и тихо добавила: – Странно, пытаюсь ухватиться, а оно ускользает, как сон.

– Ох, мама, с тех пор столько всего произошло, что и не вспомнить, что прошлым летом было.

– Так это дядя Игорь и прилетал! – упорствовала Верочка.

– На истребителе? – встрепнулся Сашка, но тут же затряс головой. – Наверное, в кино такое видел.

Верочка досадовала на забывчивость родных и чуть не плакала. Мама обняла её и поцеловала в макушку:

– Какая ты фантазёрка. Это всё от волнения. Столько всего случилось за день. Иди отдыхай.

Верочка отчаялась что-либо доказать, горько вздохнула и ушла к себе. Ей уже и самой виделось, как она нашла перо среди розовых кустов. А как же Былин? Приснился он или придумался? Верочка и правда устала, поэтому не стала гадать, заложила пёрышко в книгу и забралась в постель.

Мама вышла к завтраку с покрасневшими веками. Была рассеянной, отвечала невпопад, а когда взяла у Фани стакан с водой, то чуть не половину расплескала, так дрожали руки. Не съев ни кусочка, она всё теребила бусы и мешала ложечкой кофе, но так и не притронулась к нему. Когда вставали из-за стола, порвалась нитка, и бусины градом посыпались на стол, на пол, зазвенели в чашках и тарелках. Мама вскрикнула и вдруг расплакалась.

«Неужели ей так бусы жалко? Это же пустяк, можно всё собрать заново», – удивилась Верочка и полезла под стол.

Отец неловко утешал маму:

– Лара, ну, что ты, в самом деле... Ну, перестань...

Она ответила, всхлипывая:

– Я сейчас успокоюсь, только уведи Сашу.

Отец с братом вышли. Фаня хотела было убрать со стола, но бабушка выпроводила её в кухню и села напротив мамы.

– Лариса, что случилось?

Мама не ответила, и бабушка продолжила допытываться:

– Я же вижу. Алёша весь потерянный вернулся, хоть и бодрился вчера. Сегодня ты... Скажи, у него появилась другая женщина?

– Ох, Елизавета Денисовна, лучше бы это была женщина! – простонала мама.

– Что ты говоришь такое? В чем тогда дело? Лара, это всё его служба?

– Да. Только заклинаю вас, не пытайте ни его, ни меня. Если вам дорога жизнь внуков, ни о чём никогда не спрашивайте!

Мама резко поднялась и выбежала из столовой. Бабушка вздохнула, пробормотала скороговоркой молитву, собрала посуду и вышла. Верочка смогла наконец выбраться из-под стола. Ей было уже не до бусин.

Отец уехал, не пробыв с семьёй и недели. В доме опять поселилась давящая тревожная тишина. Что такого страшного он открыл маме, так и осталось ещё одной семейной тайной. Верочка могла только предполагать, что мама боится врагов советской власти. Жаль, что нельзя

рассказать ей про кокон, она бы быстро успокоилась, узнав, что папа под защитой изобретения советских учёных. Куда глупым врагам с ним тягаться! Правда, если не было папиного командира, может, и кокона никакого нет? Надо бы проверить.

Верочка достала пёрышко и встала в центр комнаты. Однако ни страха, ни злости, ничего такого, из чего можно создать защиту, она не чувствовала, потому горестно выдохнула и убрала перо в ящик стола.

Вернувшись в Ленинград, Верочка тут же забыла о летних волнениях. Школа, балет и подружки не оставляли времени на тревоги. Только заплаканные мамины глаза и горящая у бабушки лампадка порой напоминали о затаившейся угрозе.

В тридцать пятом отец получил новое задание и дома стал бывать чаще. Верочка не замечала его угрюмости в короткие побывки. У неё и своих забот хватало. К тому же Вера делала успехи в балете. Ей прочили большую сцену, но отец упёрся, что балет – занятие легкомысленное и ненужное. Стране нужны инженеры и учёные.

Наткнувшись однажды на павлинье перо в ящике письменного стола на даче, Верочка уже и не вспомнила, откуда оно взялось, как не вспомнила и того, кто его подарил.

Летом 1938-го в Ленинград приехал боевой друг отца. Они встретились, засиделись до утра. Много пили и много говорили. К вечеру гость уехал.

Вера с папой и бабушкой собирались в Ялту. Брат Саша окончил школу и готовился к поступлению в институт, поэтому они с мамой должны были приехать позже. Зато отец планировал пробыть на даче целых две недели! Перед отъездом Вера отправилась помочь бабушке навести порядок в комнате. Это занятие всегда затягивалось чуть не до полуночи. Из шкафов доставали альбомы с фотографиями, бальное платье, блокнот с поэтическими признаниями поклонников Елизаветы Денисовны. Верочка не могла оторваться от этих реликвий и после уборки оставалась ночевать на Васильевском.

Вернувшись наутро домой, Вера увидела казённые пломбы и печати на двери в квартиру. Она застыла с ключом в руках. Тихо проскрипела дверь напротив. Соседка прошептала в щель:

– Вера, твоих ночью забрали. Уходи!

– Как забрали? За что?!

– Ничего не знаю. Уходи!

Дверь закрылась. Вере ничего не оставалось, как вернуться к бабушке.

Елизавете Денисовне не удалось ничего разузнать о судьбе сына, невестки и внука. Сообщили лишь, что отцу вменяется статья «враг народа». О Вере, кажется, забыли. Никто её не разыскивал. Вечерами бабушка плакала, называла отца идиотом и революционным романтиком. Сокрушалась о том, какую державу уничтожили. От обиды и несправедливости она сделалась откровеннее обычного и, забыв об осторожности, рассказывала о балах, императорском дворе, подругах по гимназии, поездке с родителями в Швейцарию, а затем в Италию, где они попали на карнавал. О сильных и благородных людях, для которых честь была дороже жизни. Воспоминания пронизывала такая щемящая тоска, что Вера вдруг почувствовала принадлежность к тому ушедшему времени и ощутила горечь утраты.

Снова достали фотографии. Рассматривая снимок императрицы Марии Фёдоровны в окружении фрейлин, среди которых была и молодая Елизавета Денисовна, Вера с изумлением поняла, как они с бабушкой похожи. Те же серые глаза, нос, скулы и подбородок, те же завитки белокурых волос, то же хрупкое сложение и та же форма узких кистей рук с длинными тонкими пальцами.

– Ах, деточка, какой бы ты имела успех! – воскликнула бабушка, когда Вера примерила её старое бальное платье.

За Верой пришли через неделю. Сдали её соседи, живущие в комнатах квартиры, когда-то целиком принадлежавшей Шуваловым.

Начались допросы. Что говорил отец о коллективизации? Кто приходил к вам в дом? Вы с родителями обсуждали коллективизацию? Вера не понимала, каких ответов ждёт от неё следователь. У них в доме никогда не заводи́ли разговоров о службе отца. Она честно сказала об этом. Но вместо того, чтобы поверить в её неведение и отпустить, следователь раздражился всё больше. Его вопросы стали жёстче: «Отец обвинял ЦК в голоде? Критиковал расстрелы за хищение зерновых? Рассказывал о людоедстве?». Вере казалось, что он над ней насмехается. Как возможно такое в Советском Союзе? Голод? Расстрелы? Людоедство? Она даже спросила, не розыгрыш ли это. Следователь побагровел и приказал закрыть её в холодной подвальной камере на три дня. Там Вера и отметила своё пятинадцатилетие.

Поняв, что дочь врага народа не хочет сотрудничать со следствием и давать показания против отца, её отправили на трудовое перевоспитание в степи Казахстана.

Глава 3. Колония

Полуторка остановилась. Вера ждала, когда же их выпустят наружу. После многочасовой тряски в раскалённом кузове нестерпимо хотелось вдохнуть свежего воздуха. Наконец дверь распахнулась и прозвучала команда выходить.

Глаза резало от яркого света. Горячий ветер гонял песок, который тут же прилип к мокрой от пота коже. В воздухе гудел рой мух. Вера осмотрелась, щурясь от солнца: бараки, обнесённые колючей проволокой, и рыжая степь до самого горизонта. Такой была колония-поселение для несовершеннолетних преступников.

Веру оформили, обрили под машинку, велели натереться щелочным обмылком и окатили затхлой водой из шланга. После выдали тюремную робу и отправили на работы. Надсмотрщица привела её в цех и подтолкнула к одному из столов:

– Вот твои товарки. Старшая всё тебе объяснит. Лямзина, принимай новенькую!

Товарки... Вере показалось, что здесь это слово значило не «товарищ», а «товар». «Мы все здесь товар, безликий расходный материал на изнанке лучшей на свете страны», – горько усмехнулась она.

Жара снаружи была ничем по сравнению с пеклом внутри цеха по переработке овечьей шерсти, которую в сезон везли нескончаемыми тюками. Тюк вываливали на огромный столванну, заливали кипятком со щёлоком, а бригада из восьми девчонок выбирала из шерсти репы и овечьё дерьмо. В цеху постоянно клубился смрадный пар, который пропитывал одежду и кожу. Вера чувствовала его повсюду.

Товарки оказались грубыми и склочными девицами. За работой они непрестанно бранились, то и дело поминая непристойные названия гениталий. Таких грязных выражений Вера за всю свою жизнь не слышала даже от мужчин.

Вечером в комнате, которую занимала их бригада, одна из девушек потеряла что-то из своих вещей и приставала ко всем с расспросами. Соседки не оставались в долгу и сквернословили в ответ. Тут взгляд девицы упал на Веру:

– Ты взяла?

Она примиряюще улыбнулась:

– Когда бы я успела? Заходила сюда вместе с воспитателем. Только вещи оставила.

В ответ последовал удар кулаком под дых. Вера сложилась пополам и повалилась на пол.

– Больно умная? А если найду? – Девица принялась раскидывать Верины вещи. Не обнаружив пропажи, она сплюнула на пол и отошла. Остальные товарки хохотали. Унижение новенькой казалось им забавным.

К территории женской колонии примыкала мужская. Разделяла их условная граница из провисших рядов колючей проволоки. После рабочей смены парни забирались на крышу своего барака и встречали появление каждой девушки улюлюканьем и непристойными предложениями. Вера надеялась, что на подобных знаках внимания знакомство с соседями и ограничится, пересечь черту между бараками они не отважатся. Но на третий день по женской территории прошагал патруль из малолетних заключённых под предводительством Яшки Лютого. Пристально глядя Вере в глаза, он провёл языком по губам. Она не поняла этого жеста, но веяло от него чем-то жутким и омерзительным.

Позже товарки объяснили, что Яшку поставили на патрулирование не за хорошее поведение, а за умение держать в страхе и подчинении всю колонию. Поселение соседствовало с деревней овцеводов. Начальству было важно, чтоб малолетние воры, гоп-стопники, карманники, форточники и проститутки не донимали местных жителей. С этим Яшка отменно справлялся. В ответ надзиратели снабжали его папиросами и закрывали глаза на творимые

им расправы. Впрочем, произвол внутри колонии никого не интересовал. Её границы даже не охранялись, всё равно бежать было некуда: на сотни километров вокруг расстилалась сухая степь.

В октябре открылась вечерняя школа. Преподавателей не хватало, да и классов было только семь. Вера всё равно ходила на уроки, чтобы хоть ненадолго избавиться от нападок товарок.

К ноябрю выяснилось, что их бригада не справляется с планом. Пришлось выходить на работу после занятий в школе. Однажды, закончив смену, Вера не смогла найти свои ботинки. Товарки быстро переоделись и убежали. Пропажа вскоре обнаружилась, но возвращаться в барак предстояло одной.

Патруль с Яшкой во главе поджидал между двух длинных сараев с шерстью. Вера ещё надеялась, что встреча случайна, и попыталась проскочить мимо, но Лютый заступил дорогу. Один из парней схватил сзади. Шершавая ладонь зажала рот. Веру потащили за сарай, сорвали одежду и издевательски смеялись над отчаянным сопротивлением. Затем придавили к холодной земле и развели ноги, выставляя напоказ потаённое. Яшка посветил фонариком:

– Бутончик, кажись, нетронутый.

Он спустил штаны. Пахнуло давно не мытой плотью. И навалился сверху, придавил, смял, каждым толчком утверждая, что кошмар отныне и есть реальность, возврата к прошлому не будет.

Яшка был первым. Потом насильники сменяли друг друга. Отпустили Веру уже ночью.

Она долго стояла в душевой под струёй ледяной воды, пытаясь ногтями содрать с кожи следы прикосновений. И выла по-звериному. Вдруг крепкая рука схватила сзади за шею и с силой придавила к мокрой стене. Ухо обдало горячим дыханием:

– Заткнись! Вздумаешь жаловаться на Яшку – тебя найдут в степи с перерезанным горлом. Разбираться в убийстве зэчки никто не будет, спишут на басмачей. Перестань бегать и сопротивляться, тогда Яшка потеряет к тебе интерес.

Хватка ослабла. Вера обернулась и узнала Ольгу, старшую четвёртой бригады, девушку высокую, крепкую, с гладко выбритой головой. Её уважали и побаивались.

– Тебя будут ломать до тех пор, пока не перестанешь считать, что ты лучше остальных. Но и в обиду себя не давай, бей первой. Тебе нужно выйти отсюда живой. – Ольга направилась к выходу. Вдруг обернулась. – Продержись до конца ноября. У меня двух девчонок переводят, заберу тебя к себе в бригаду. Народ у нас не такой гнилой.

Вера быстро оделась, прокралась в комнату и забралась в постель. Долго лежала без сна, стуча зубами от холода под вытертым одеялом.

«Выйти живой, – крутились в голове слова Ольги. – А как жить после этого? Зачем жить? Не бегать и не сопротивляться? Значит, это снова повторится? Я не вынесу!»

Как можно оставаться безучастной, терпя надругательства? Вера решила, что уж лучше окажется в степи с перерезанным горлом, чем снова переживёт насилие. Надо просто рассказать надзирателям про Яшку. А если он не сразу убьёт, а сперва будет издеваться?

За раздумьями Вера не заметила, как стала проваливаться в сон. Темнота барака превратилась в тень от кустов на заросшей тропинке. Вера стояла с павлиньим пером в руке и трогала им стены незримой защиты. «А от мальчишек кокон защитит?» – услышала она свой голос.

Кокон! Вера тут же проснулась. Откуда это? Перо, дача, тропа к морю... И страшный зверь. Больше ничего не получалось вспомнить. Только страх и кокон. Выпустить страх наружу...

Вера почувствовала, как обида и отчаяние собираются у солнечного сплетения, теснятся, готовые разорвать живот, и выливаются, обволакивая незримой оболочкой. Не было пёрышка,

чтобы проверить её надёжность, но Вере вдруг стало спокойно и тепло. Значит, кокон работал. Что ж, иной защиты у неё всё равно не было, придётся попробовать эту.

Наутро товарки особенно громко смеялись и переругивались. Веру они словно не замечали. Никто не спросил, почему она вернулась так поздно. А вечером история повторилась: Вера снова оставили одну, а между сараев её поджидала Яшкина шайка.

Хотелось бежать и кричать. Вера пересилила себя и за мгновение, как её схватили, создала кокон из страха. Она почти не чувствовала их прикосновений, будто всё происходило не с ней. Наблюдала со спокойным безразличием и ждала, когда они закончат. И вдруг услышала музыку, тихий смех. Лица насильников растворились вместе с темнотой казахской ночи, и Вера оказалась в светлом зале посреди бала. Кружили пары, мелькали кружево и атлас, по полу шуршали туфельки. Чувствовался даже аромат духов.

«Это же... О чём рассказывала бабушка. Погибший мир вернулся, чтобы защитить меня!»

Следующим вечером Веру снова ждали, но в этот раз Яшка не притронулся к ней.

– Яш, ты что, не будешь? – спросил один из удовлетворивших похоть отморозков.

– Да ну её, лежит бревном. – Лютый сплюнул и пнул Веру в бедро. Она не отреагировала. Яшкин интерес к ней иссяк.

Насильники отстали, но остались товарки. И безысходность. Вера создавала кокон, чтобы укрыться от нападков, но вскоре стала прятаться в нём из-за безмятежности, которая охватывала под его защитой. Сами собой оживали бабушкины воспоминания, и вместо колонии Вера оказывалась в мире грёз.

Ольга сдержала слово: к декабрю Веру перевели в четвёртую бригаду. Старшая устроила здесь строгие порядки. Все внутренние конфликты решались на совете. Ходили по поселению только вместе. Если кому-то из девочек нужно было на почту или к фельдшеру, то шли всей бригадой и ждали, сколько потребуется.

Утро начиналось с тренировки. Бить первой, да и вообще бить, Вера не умела и сомневалась, что в драках от неё будет хоть какая-то польза, но Ольга видела в бывшей балерине неплохой потенциал. И оказалась права: вскоре тело, привыкшее к воздушным пируэтам, освоило боевые выпады. Жить здесь было по-прежнему невыносимо, но теперь появился реальный шанс уцелеть.

За монотонной работой и ночью, перед сном, Вера уходила в кокон, где кружила в вальсе с остроумными юнкерами. Каждый вечер она разворачивала одно из бабушкиных воспоминаний и представляла себя то на карнавале в Венеции, то на верховой прогулке в сосновом бору. Погружение в ушедшую эпоху давало сил не сойти с ума.

В январе проходили медосмотр. Фельдшер спросил о последней менструации. Вера силилась вспомнить. Кажется, месячные были в октябре.

– Когда ж вы, шалавы, успеваете ноги раздвигать? Залезай на кресло!

Не сказать, чтобы Вера была совсем уж дремучей в вопросах половых отношений, но почему-то даже мысли не допускала, что при изнасиловании можно зачать.

Беременность и правда не подтвердилась. Фельдшер велел показаться через две недели. Но и через две, и через четыре матка не увеличилась, а месячные так и не пришли. От пережитого в организме Веры произошёл сбой. Сама природа противилась появлению детей в этом гиблом месте.

Летняя жара наступила уже в апреле. Колония готовилась к дню рождения Ильича. Вера и Ольга закрепили на крыше барака транспарант с надписью «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» и прилегли отдохнуть в тени кумача. Ольга закурила. Вера рассматривала её мускулистые руки и вдруг спросила:

– Оль, тебе никогда не хотелось отомстить? Ну... Не знаю... Например, спалить колонию к чёртовой матери или подкараулить Яшку и всадить ему нож в сердце.

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы справедливость восторжествовала!

– Верка, если ты обожжёшь руку, то будешь мстить огню?

– Нет, конечно. Это же глупо!

– Вот и Яшке мстить глупо. Он как явление природы. Сам не знает, для чего живёт, поэтому и распыляется по пустякам. То самоутверждается за счёт слабых, то подачку у начальства выслуживает. Всё это сиюминутные прихоти, а цели нет. Есть цели, ради которых всё переживёшь: и страх, и боль, и голод, и унижения. Вот ты знаешь, зачем живёшь, я знаю, а он нет. Поэтому отомстишь ты ему тем, что цели своей достигнешь, а он так и будет на ощупь по жизни плутать.

– Оль, а для чего я живу?

– Это ты у себя спроси.

– Я не знаю.

– О чём ты на работе думаешь? Ведь не от мыслей о Яшке у тебя лицо такое счастливое. Вера не подозревала, что, спрятавшись в коконе, может лучиться радостью снаружи.

Ольга перевернулась на живот и снова закурила:

– Я могу убить Яшку. Он это заслужил. Стольких девчонок искалечил. Только нет у меня такого права. И так уже из-за моей глупости большое дело встало. Сейчас я бы школу оканчивала, к поступлению готовилась. А теперь ещё четыре года тянуть. Через год мне восемнадцать, переведут во взрослую. Выживу ли там?

– Оль, а что ты сделала? Расскажи.

Ольга помолчала, разглядывая трепещущую на ветру красную ткань. Наконец кивнула:

– Расскажу. Ты не из болтливых. Я из Москвы. Мой отец, профессор биохимии, несколько лет работал над созданием одного препарата. Чудесного препарата! Отец отрубал мышам лапы, наносил это вещество на срезы, соединял, через десять минут лапа полностью прирастала, и мышь снова бегала. У меня нет знаний, чтобы объяснить, как оно действует. Но это вещество может сделать людей почти бессмертными, отодвинуть старение. Три года назад папа выступил с докладом в наркомате. Он показал действие препарата. Сказал, что его производство – дело первостепенной важности, поскольку через пять лет СССР вступит в страшную войну. А открытие отца возвращало бы бойцов в строй в течение суток.

– Какую войну? Оль, получается, через два года начнётся война? С кем?

– Не знаю. Мне он об этом не говорил. В наркомате ему не поверили. Смеялись. Называли паникёром и сумасшедшим учёным. Даже издевались: «Ваши бессмертные люди смогут обходиться без еды? Нам бы тех, кто сейчас живёт, прокормить!» В общем, сказали, что у партии другие задачи, и велели убираться. Отец был в бешенстве, всю ночь где-то пил, утром пьяным явился в университет и выложил студентам, какие идиоты сидят в наркомате и что партии нет дела до людей. Потом он забрал меня из школы. Сказал, что скоро за ним придут. Он давно сделал копии своих работ, а перед выступлением спрятал их в тайнике, о котором знаем только я и он. И ещё, что мне нужно учиться, чтобы продолжить его дело. А когда получу достаточно знаний, найти студента Ваню Локтева, который помогал отцу в исследованиях.

Ольга раздавила погасший окурок о крышу. Щелчком пальцев отшвырнула в сторону.

– За папой пришли вечером. Я старалась держаться во время обыска. Но когда отца стали бить, я как с ума сошла. Кричала, что они ничего не понимают. Что папа хочет спасти человечество, а их партии плевать на людей. Таковую же чушь несла на допросах. Мне казалось, что сейчас я им все объясню, и нас с отцом отпустят, ещё и извинятся. В общем, вместо факультета биохимии загремела на семь лет на нары.

Девушки долго молчали. Ольга снова закурила.

- Оль, а война правда будет?
Ольга ответила не сразу:
– Может, отец ошибался.

Вера постоянно вспоминала тот разговор на крыше. Для чего она живёт? Чтобы прятаться среди бабушкиных воспоминаний, которые умрут вместе с ней? Цель Ольги ясна и осязаемой. Это работа, результат которой перевернёт жизнь человечества и переживут саму Ольгу. И тут Веру осенило: надо сделать мир из кокона настоящим. Получилось же у отца сохранить в семье островок ушедшего прошлого! Надо только выбраться отсюда. Вернуться в балет или получить образование. Но у неё снова будут музыкальные вечера в Ялте, чаепития за столом под белой скатертью, бабушка со своими воспоминаниями и счастливая безмятежная жизнь.

В июле Яшке исполнялось восемнадцать. Чем ближе был этот день, тем более дёрганым становился патрульный и по любому незначительному поводу раздражался истеричными воплями. Вера поняла, что он боится. Слухи об ужасах взрослой колонии держали в страхе всю малолетку. Некоторые ребята видели возвращение сломленных зоной старших родственников. К произволу, творимому прожжёнными уголовниками, добавлялись издевательства и пытки надсмотрщиков. То было не местное ленивое начальство, которое считалось с тем, что вверенные им заключённые – дети.

Тем не менее колония с облегчением вздохнула, когда Яшка её покинул.

В конце августа четвертую и седьмую бригады отправили красить здание школы. В разгар работы к границе поселения подкрался пожилой казах из местных овцеводов. Он замазал руками, подзывая Ольгу. Та отложила кисть и направилась к неожиданному посетителю, на ходу вытирая руки о штаны. Казах раздвинул ряды колючей проволоки, помогая девушке выбраться наружу. И вдруг низко поклонился. Происходящее было более, чем странным. Девчонки бросили работу и наблюдали за действием. Казах открыл рот, потыкал в него пальцем. Ольга взяла его за руку и долго что-то шептала. Он снова раскланяться, сунул ей что-то и убежал.

Довольная Ольга возвращалась к товаркам, подкидывая на ладонях мешочек:

– Вот и пополнили запасы махорки!

– Оль, это что было?

Она рассмеялась:

– У этого казаха зубы гнилые, а лечить боится. Два года назад подошёл ко мне и спрашивает: «Ты ведьма?» Я опешила; нет, говорю. Он расстроился: «Русский ведьма нада, слышал, сильный очень. Зуб болеть». Тут меня озорство какое-то взяло: «Чтобы боль снять, ведьмой и не надо быть. Помогу тебе! Только не забудь потом отблагодарить, а то не сработает». Мой отец древней китайской медициной увлекался, показывал некоторые точки на теле. Если надавить на них, можно зубную или головную боль снять, или насморк вылечить. Помогла я тогда овцеводу, с тех пор он ко мне обращается и махоркой снабжает.

– А чего ты там шептала?

Ольга вновь зашлась в смехе и вдруг запела:

– *Gaudeāmus iġitur,*

Juvēnes dum sumus!

Post jucundam juventūtem,

Post molestam senectūtem

Nos habēbit humus!

Мне же надо было колдовской ритуал изобразить, заговор прочитать. А что говорить? По-русски казах худо-бедно понимает, вот и нашептала, что помнила. Профессорская дочь

знает «Гаудеамус» не хуже, чем дочь дьячка «Отче наш». А весь текст минут на пять растянуть можно, боль сутки не вернётся.

Вере показалось диким, что Ольга сохранила способность смеяться. Здесь, в месте слёз и скорби, среди бескрайних степей, мух и смрада услышать смех и пение было так же нелепо, как увидеть плывущий по небу парусник. Или Веру, кружащую в бальном платье под звуки вальса среди барачных... Вдруг стало ясно, что смех – это способ Ольги сохранить рассудок здоровым.

Девчонки развеселились. К ним подошла седьмая бригада:

– Гадамус? Это что ж такое?

– Гаудеамус. Гимн студентов. Исполняется на посвящении, – разъяснила Ольга.

Улыбки начали гаснуть. Большинство девочек никогда бы не стали студентками и не спели старинный гимн на латыни под сводами университетов. Но все подумали о том, что где-то там существует другой, свободный мир. И он реален.

Ольга покидала колонию в апреле. Впервые девчонки видели её тихой и подавленной. Прощаясь, Вера спросила:

– Оль, мы когда-нибудь встретимся? После, когда всё кончится.

– Не знаю, Верка. Но искать я тебя не буду. Не то это место, которое я хотела бы помнить.

Бригада какое-то время ещё жила по установленным Ольгой правилам. Но постепенно девчонки сменялись, обычаи уходили в прошлое. Снова каждый был сам за себя.

В августе 1941-го Вере исполнилось восемнадцать. При мысли о переводе сердце тоскливо сжималось. Даже кокон перестал спасать от тревожных ожиданий.

Но в июле из степей Казахстана Вера уезжала в другом направлении. В один из первых дней войны женское отделение выстроили перед барачным. Начальник колонии объявил, что требуются добровольцы на курсы медсестёр для помощи раненым на полях сражений. Записавшиеся будут освобождены досрочно. Вера, не раздумывая, сделала шаг вперёд.

Глава 4. Война

Добравшись до Уральска, Вера первым делом написала бабушке. В колонии все письма к ней остались без ответа. На этот раз он пришёл. Елизавета Денисовна несказанно обрадовалась первой за три года весточке от внучки. Понимая, что почту могут просматривать, писала бабушка с осторожностью: «В Ленинграде я осталась одна. Алёша с Ларисой переехали под Сыктывкар, мне не пишут. Саша тоже уехал, но куда – не сообщил». Значит, родителей отправили в лагеря Коми, о судьбе брата ничего неизвестно.

О том, что, избежав одного ада, она попадёт в другой, Вера поняла уже на курсах Красного креста. Но ад колонии был бессмысленным, выживать в нём приходилось поодиночке; здесь же чувствовалась сплочённость против общего врага.

Курсы проводились в здании школы. За два месяца девчонки прошли подготовку, на которую в мирное время уходило больше года.

В сентябре 41-го Вера в составе санроты из Уральска отправилась на Юго-западной фронт, где под Конотопом подразделение должно было поступить в распоряжение дивизии. От Курска до линии фронта добирались на грузовиках. За несколько километров от места сражения стал доноситься рокот. По мере приближения гул боя нарастал, перекрывал рёв моторов и наконец поглотил все остальные звуки.

Рядом в кузове сжалась в тугой узел Мира и, прикрыв глаза, шевелила губами, но слов было не разобрать, в речи лишь чётко выделялись «ш» и «х». «Иврит, – догадалась Вера. – Молитесь». И позавидовала: сама она молиться не умела.

Грузовики остановились. Дальше бежали. Земля тряслась под ногами. Гул превратился в такую оглушительную канонаду, что было не различить отдельных залпов: взрывалось всё, одновременно и без остановки. За деревьями открылось поле, где вторые сутки шёл бой. Над сражением повисло чёрное марево из дыма и взметённой к небу земли.

– Девоньки, настраиваться некогда! Укрываемся в окопе. По моей команде перебежками к линии огня, дальше ползти и искать раненых. Есть возможность оказать помощь – оказывайте, нет – не теряйте времени, тащите в окоп! – слова санинструктора они больше угадывали, чем слышали.

Мира выскочила из окопа вместе с Верой. Какое-то время рядом мелькала её нашивка с красным крестом. Затем вокруг оказались лишь дым, взметённая земля, кровь, плоть, осколки и пули. Как здесь выжить?! Вера упала на землю, одновременно по привычке нырнула в кокон. «Защитит ли он здесь? Пули слепы, их мой страх не пугает. Помогите мне! Помогите! Слышите?!» Она сама не знала, кого просит о помощи. Но вдруг почувствовала присутствие рядом. Кокон словно ожил, стал плотнее, расширился и укрыл невидимой сферой. Свистящая пуля ударила в купол, но только со злым шипением царапнула его поверхность.

«Ползти! Не думать! Искать раненых! Я в безопасности!»

Первый боец. Убит. Второй – убит. Третий хрипит, на губах пузырится кровавая пена. Сквозное ранение лёгкого. Наложить повязки. Перекатить на плащ-палатку. Тащить.

На линии огня на спине лежит Мира. Руки раскинуты, широко открытые глаза смотрят в небо. Не помогла молитва.

Окоп. Передать раненого. Бежать. Упасть. Ползти. Не думать!

Седьмой по счёту раненый. Или восьмой?

Вот и ночь. Светло. Светло от взрывов. Ночью светло, как днём, днём темно, как ночью.

Командуют отступать. Отступаем.

– Вера, не ранена?
– Нет.
– Ты как заговорённая. Половину девчонок за сутки потеряли...
«Я в коконе. А теперь спать, стать...»

Снова бой. Бежать. Упасть. В кокон. Отступаем.

Ленинград в блокаде. Как там бабушка?

Марш-бросок. Переправа. Землянка. Бой. Отступаем.

Мы в оцеплении. Прорываемся. Прорываемся! Дивизии больше нет.

Стрелковый полк.

От роты девчонок из Уральска никого не осталось.

Письмо от бабушки: «Алёша, Лариса и Сашенька по-прежнему не пишут. Береги себя, моя деточка, больше у меня никого не осталось».

«Бабушка, у меня тоже никого, кроме тебя».

Окапываемся. Блиндаж. Землянка. Бой. Отступаем.
Отступать некуда – позади Москва!

– Верка, в чём твой секрет? Почему тебя пуля не берёт? – Это Зинка. Когда же она появилась в санроте? Вера не помнит. – Ну, скажи! Может, оберёг какой? На тебе даже крестика нет.
«Да, в стане научного атеизма перед лицом войны многие недели крестики. Но бережёт меня кокон».

Март. Письмо от бабушки. Написано ещё в декабре. Почерк дрожит: «Прощай, моя деточка! Да хранит тебя Бог!» Больше писем нет.

Ползти. Искать. По мёрзлой земле и смятому снегу. По осколкам льда. Ползти. По чавкающему весеннему месиву. По непаханым полям. По вытоптанной траве. Ползти и искать. Из зимы в лето. Из дня в день. И не думать.

Июль 42-го. Под Богучаром. Артиллерийский батальон. Командир санроты указывает на майора, стоящего к ним спиной в группе других офицеров:

– Командир батальона...
«Папа? Это же папа! Он говорит... Папин голос!»
Вера бежит, раскинув руки:
– Папа! Папочка-а-а!
Со спины обнимает его за плечи и прижимается щекой.
Комбат оборачивается:
– Ты что, девчушка? Обозналась?
Вера захлёбывается слезами и обидой. Это не отец.
– Шувалова! Ты что творишь? Да я тебя...
– Отставить! – это майор командиру санроты. Потом Вере: – После боя поплачем, девчушка. Иди готовься.

Бой. Бежать. Ползти. Кокон. Искать раненых. Тащить. Окоп. Убедиться, что похожий на папу комбат жив. Снова за ранеными.

Танки! В кокон. За раненым. Нашла. Тащить в окоп. Умер. Искать другого. Тащить. И этого убили.

С танками идёт пехота. Грохочут винтовки. Почему наши не стреляют? Майор!

Комбат лежал в окопе. В крови, без сознания. Вера приложила пальцы к его шее. Руки так тряслись, что и не понять, есть ли пульс. Прижалась ухом к груди. И тут майор застонал. Живой!

Вдруг стрельба стихла. Лязг гусениц приближался и дрожала земля. Танки прошли над окопом. Значит, наши отступили. Сейчас немцы пойдут добивать раненых. Если увидят офицера – возьмут в плен. Нельзя! Вера лихорадочно соображала. Раздались первые одиночные выстрелы и короткие очереди. Идут! Планшет! В нем документы. Вера сняла его с комбата и спрятала себе под гимнастёрку. Оттащила командира подальше от блиндажа: тут будет жарко. Так, теперь надо спрятаться под тела убитых.

Загремели взрывы со стороны блиндажа. Ищут живых в окопах. Вера обняла комбата. Укроет ли кокон двоих? Иного выхода всё равно не было, стоило попробовать. Фашисты прошли мимо. Кокон не подвёл. Скоро стемнеет, можно будет выбраться.

Ползти. Тащить. К реке. Добраться до роши. Там можно укрыться.

Комбат пришёл в себя:

– Как зовут тебя, девчушка?

– Вера. Вы помолчите, товарищ командир. Фашисты могут вернуться.

Они вернулись, когда до роши оставалось метров пятьдесят. Надо замереть, притвориться мёртвыми. Комбат снова в беспамятстве.

Немецкая речь всё ближе. Один из фашистов идёт прямо на них. Майор стонет. Услышат! Вдруг рядом с немцем хрипло, с усмешкой, по-русски:

– Получи, гад!

Взрыв гранаты. Болью пронзает колено. Крик сливается с грохотом. Фашисты стреляют на бегу, забирают своего и уходят стороной.

Вере снилось, что она на море. Отец держал её в своих сильных руках и качал на волнах. В лицо летели солёные брызги.

Она открыла глаза: над ней сомкнулись кроны деревьев, сверху падали капли дождя. Её несли в плащ-палатке.

– Комбат! – Вера встрепенулась. Нога взорвалась болью.

– Лежи, сестричка, жив командир, рядом несут, – улыбнулся ей боец.

Вера закрыла глаза и снова упала в руки отца.

Глава 5. Саратов

«Милая, дорогая моя бабушка! Вот уже почти год прошёл с твоего последнего письма. Надеюсь, что писалось оно в миг отчаяния, ты жива и здорова, а причина молчания в том, что почта не проходит сквозь блокаду.

Сейчас я в госпитале в Саратове. Родная, только не волнуйся: ранение лёгкое, первое за десять месяцев войны, и то – в ногу. Пришлось, правда, оперировать, но скоро снимут гипс. И будет решаться вопрос о моём возвращении в строй. Возможно, комиссуют. Есть в этом и хорошая сторона: папа несказанно обрадуется, узнав, что с балетом покончено навсегда.

В госпитале меня наградили медалью «За отвагу». Да-да, я продолжаю славную традицию нашей семьи.

Саратов – удивительный город. Он словно Рим, куда ведут все пути. Здесь одномоментно собралась вся культура страны: Киевский, Харьковский, Полтавский и Московский театры, Московская консерватория, наш Ленинградский университет... Всего и не перечислить.

Бабушка, как же я скучаю! Береги себя. Горячо целую. Твоя Вера

16 ноября 42».

Вера свернула письмо треугольником. Она не будет тревожить бабушку тем, что потребовалась повторная операция. И если бы не комбат, она могла бы лишиться ноги. Когда их доставили в полевой госпиталь, майор пришёл в себя и услышал приговор врача:

– Ампутировать! Кость раздроблена, больше суток прошло, гангрены не избежать.

– Это будет последнее, что ты сделаешь. Расшибись, но ногу Верочке спаси! За эту девочку я тебя из-под земли достану. – На врача смотрело дуло пистолета.

Больше комбата она не видела: когда очнулась после операции, того уже отправили в тыл.

Веру тоже доставили в тыловой госпиталь санитарным поездом. В Саратов она приехала с жаром и в бреду. Швы на колене лопались от гноя.

Повторная операция. Наркоза нет. Вера нырнула в кокон: «Мне не больно».

После недели лечения солевыми примочками рана очистилась, жар понемногу спал. Наложили гипс.

Здесь же, в госпитале, Вере вручили медаль за проявленную отвагу и мужество при спасении командира и важных секретных документов.

В крохотной женской палате их было двое. На соседней койке лежала обожжённая Лида, скрытая под бинтами. Она не разговаривала, лишь иногда тихонько стонала.

Вошла медсестра, баба Валя. В этой больнице она проработала лет пятьдесят.

– Вера, ты что же всё лежишь? Ослабнешь! – Баба Валя дала таблетки и отошла к Лиде.

– Я встану. Позже.

– Скоро гипс снимать, заново учиться ходить непросто. Тебе тряпочки нужны?

– Нет.

– Опять нет? Ты уже третий месяц у нас, а всё не нужны... Вер, ты не беременная?

– Нет. Мне вообще не нужны.

– Как так? У тебя что, никогда месячных не было?

– Были, но кончились. Четыре года назад.

– Бедная девка, – покачала головой баба Валя.

Вера не считала себя бедной: хоть одной извечной женской проблемой меньше. А когда она захочет детей, кокон снова всё исправит. Теперь она всецело ему доверяла, ведь он говорил с ней в те самые тяжёлые дни после ранения. Она и сейчас слышала его вкрадчивый голос, полный сожаления:

– Верочка, зачем же ты усомнилась? Всё для спасения было устроено: и умирающий с гранатой очнулся, и отступившие бойцы возвращались за вами...

Действительно, когда застонал комбат, Вера испугалась, что их заметят. Нет, она не вылезла из кокона, но вдруг ослабла вера в его защиту. В тот момент в её колено впился крошечный осколок гранаты.

Вера всё-таки потянулась за костылями и села на койке.

– Баба Валя, у меня нога стала короче сантиметров на десять. Это навсегда?

Медсестра меняла Лиде повязки.

– Это из-за гипса: накладывают в слегка согнутом положении. Как снимут, так распрямится. Сходи-ка на пост, попроси мне бинтов ещё.

Утро выдалось солнечным, что для Санкт-Петербурга в конце ноября – явление редкое и удивительное. Stanislaw Иванович, осанистый старик с выправкой бывшего военного и пышными бакенбардами, заехал за Верой в одиннадцатом часу. Кажется, он приходился ей прапра-прадедушкой.

– Графиня готова к прогулке? – раздался в прихожей его густой баритон.

Вера, одетая в английский костюм, ждала родственника в гостиной. Правая нога – в высоком ботинке со шнуровкой, левая – в гипсе. Stanislaw Иванович помог внучке накинуть шубку, вывел из парадной и устроил в открытой коляске. Сам сел рядом.

Они ехали по Университетской набережной.

– Верочка, зачем ты пошла на войну?

Вера смутилась, но призналась:

– Чтобы обрести свободу.

– И как? Обрела?

– В какой-то мере...

– Ты воевала за страну, уничтожившую дворянство?

– В этой стране живут мои родители, бабушка и брат. А ещё Ольга и майор, похожий на отца. Дедушка, лучше спроси, против кого я воевала.

– Против кого же?

– Против захватчиков. Против фашизма!

Stanislaw Иванович пожевал ус:

– Фашизм? Кто это?

– Не кто, а что. Это система, которая хочет убить либо поработить всё человечество, кроме себя, арийцев. И наш мир они бы тоже не пожалели!

– Наш мир... Да что ты знаешь о нём!

– Мне бабушка рассказывала, какой Россия была до революции.

– Россия? Ну уж нет! Ты не заметила, что здесь нет черни? Тех умников-нищевродов, что уничтожили державу.

– Но... – Вера указала на возницу.

– Ах, это, – рассмеялся Stanislaw Иванович, – это обслуживающий персонал. У них даже лиц нет!

Возница обернулся. На месте лица была натянутая кожа без отверстий для глаз, рта и ноздрей. Вдруг под ней задвигались челюсти и глухо донеслось:

– Вера-Вера-Вера...

Она в ужасе отпрянула...

– Вера, да проснись же ты! – Баба Валя трясла её за плечо, – Вставай! Лида умерла! Иди погуляй, пока мы тут уберём.

Вера взяла костыли и вышла в коридор. За ночь что-то изменилось за окном. Первый снег! У входной двери висели шинели. Бывшая графиня Шувалова накинула одну из них на плечи, сунула правую ногу в валенок и вышла наружу.

Тихо. До рассвета ещё далеко. Но мир уже приготовился, нарядился и замер в ожидании.

Дедушка не успел рассказать о мире. Или не хотел? Оставил загадку? Какой он, идеальный мир? Как зовётся? Вера глубоко вдохнула морозный воздух, будто в запахах пыталась распознать имя.

Левая нога так и осталась короче правой. И ступить на неё не получалось: непослушная стопа норовила вывернуться вовнутрь. Врач заверил, что проблема в атрофированных мышцах. Прописал зарядку. Баба Валя подобрала Вере валенки потолще и отправила одного из выздоравливающих к сапожнику приделать к подошве левого несколько слоёв войлока. После того, как зафиксировали голеностоп валенком, дело тронулось с мёртвой точки.

Место Лиды заняла Стеша с багровым шрамом на щеке.

– Ерунда, по касательной задело. В госпиталь меня по другой херне услали. Во, глянь! – Стешка задрала рубашку, показывая фиолетово-чёрные бедро и ягодицу, исполосованные грубыми швами. – Это мне осколком кусок жопы выдрало. Еле шкуру натянули. Теперь сидеть нельзя, чтоб не лопнула.

Пока Вера разрабатывала ногу, новая соседка пыталась закрыть шрам волосами. Длинные пряди никак не хотели лежать на щеке. Стешка швырнула расчёску:

– А, ну его к бесу! Как нитки вытащут, в паликмахерску схожу, стрижку сделаю как у Орловой. И на передовую!

– Зачем тебе стрижка на передовой?

– Как зачем? Мужика найти!

– Мужика?!

– Ну да. Нам с мамкой без мужика нельзя, дом совсем развалится. Батя-то наш ещё до войны утоп. А после войны мне с такой харей ловить нечего: мужиков поубивают, а на оставшихся с тылу столько красивых баб понавылезет.

– Что же ты в тылу не осталась?

Стеша посмотрела на Веру, как на неразумное дитя:

– Я у мамки единственная дочка, кормилица и опора в старости. И на войне! Ей недавно, как матери фронтовички, колхоз крышу перекрыл, а то ж текла, зараза. И козу с курами для войны не заберут.

Стешкина практичность поражала: собственная жизнь и крыша казались ей равнозначными.

Вера гуляла по заснеженным улицам Саратова. Уже стемнело, но в палату не хотелось: Стеша трещала не замолкая, всё делилась планами, как заживёт после победы.

Вера тоже стала задумываться о послевоенной жизни. Конечно, если СССР победит – после победы Германии жизни уже не будет. Через неделю комиссия решит Верину судьбу. Наверняка признают непригодной: нога почти не сгибалась, да и стопа никак не слушалась. Придётся ехать в тыл. А дальше? Куда возвращаться, когда война кончится? Письма к бабушке остались без ответа. Возможно, Елизаветы Денисовны нет в живых. О родителях тоже ничего

не известно. Значит, жить в Ленинграде негде: квартиру отца забрали, имущество конфисковали, а на бабушкину комнату прав нет. Можно поступить в ремесленное училище и устроиться в общежитии. Есть же профессии, для которых хромота не помеха. Дорога в институт закрыта: десятилетку Вера так и не окончила. А дальше что? В Ленинграде после училища вряд ли оставят, распределят в захолустье. Там, если очень повезёт, она выйдет замуж за грубого рабочего парня, нарожает ему детей, если сможет. По выходным будет бита мужем, а по будням занята грызнёй с соседками по коммуналке.

Вера заглянула в свой мир: как ему такая перспектива? Он потерял краски и опустел, как город перед эвакуацией.

Станислав Иванович давал бал в честь возвращения своего сына с Отечественной войны 1812 года. Дедушка встретил Веру у подножия парадной лестницы и помог подняться. Наверху подвёл к молодому человеку в драгунской форме:

– Верочка, ты же помнишь Николеньку? Он погиб, и этот радостный приём в его честь! – Станислав Иванович обратился к сыну: – Николя, только не говори по-французски: твоя кузина воспитывалась в варварской стране и не понимает этого языка.

Молодой человек сделал шаг навстречу Вере и поклонился:

– Сударыня, вы восхитительны! Я был наслышан о вашей красоте, но реальность превзошла все ожидания. Как жаль, что я не могу ангажировать вас на мазурку. – Юноша опустил взгляд на Верину тросточку.

Станислав Иванович увлёк их к креслам:

– Ну-с, Верочка, как твои успехи на полях сражений?

– Для меня война закончилась.

– Значит, вы победили фашизм?

– Увы, ещё нет. И не могу с уверенностью сказать, что победим.

– Почему же ты оставила борьбу?

– У меня серьёзное ранение.

– Ах, скажите, пожалуйста! Ранение! Значит, ты решила сдаться и позволить фашизму и... этому, кто у них главнокомандующий?

– Гитлер.

– Ты позволишь фашизму и Гитлеру уничтожить наш мир?

– Дедушка, но что же я могу? Как я остановлю Гитлера?

– А как сражался Николенька, когда его рубили французы? Он не сдался и остановил Наполеона!

– Меня не пускают на войну, у меня ранение!

Пролетающие мимо них в туре вальса дамы бросали своих кавалеров и подбегали к Вере:

– Ранение? Покажите ранение!

– Я тоже хочу видеть!

– И мне!

– Пропустите меня! Мне не видно ранения!

Дамы задрали на Вере юбки и стянули панталоны. Напирали следующие, желающие посмотреть на ранение. По лоскутку сорвали платье и расступились. Графиня Шувалова стояла посреди бального зала в одном лифе, нагая ниже пояса.

Оркестр смолк. В наступившей тишине раскатился голос Станислава Ивановича:

– Вот настоящее ранение, а не эта твоя жалкая куриная лапка! – Он указал на сына.

От шеи до паха Николя зияла глубокая рана.

– Смотрите, кузина Вера! – прошептал он и распался на две половины.

Графиня проснулась от собственного крика.

– Верка, хватит орать! – пробормотала разбуженная Стеша.

Веру бил озноб, и в то же время по телу струился холодный пот. Она надела шинель, сунула ноги в валенки, взяла тросточку и вышла на воздух. Колени дрожали. Опустившись на ступеньку крыльца, Вера зачерпнула пригоршню снега и вытерла им лицо.

«Как мне остановить Гитлера? Как понять, что движет этим маньяком? Ради чего он затеял уничтожение всего живого?»

И вдруг Вера поняла, что у Гитлера тоже есть свой мир. Жадный и жестокий, он уже выбрался из своего кокона и требовал еды. Поэтому фюрер собирал адептов по всему свету, чтобы те приносили в жертву его детищу целые народы, утоляли его голод смертями, кровью и страданием.

Но как защитить свой мир? Как собрать армию, способную противостоять этому чудовищу?

Так ведь армия есть, и она давно борется. Каждый боец в ней воюет не только за общую идею, но и за собственный мир. Так же, как Стеша готова принести себя в жертву ради ветхого домика в захолустье. Она тоже спасает свой крошечный мирок. Только победив общего врага, можно сохранить личное, дорогое. А для этого надо влиться в противостояние, стать частью его силы.

Вера вскочила со ступеньки. Ей во что бы то ни стало надо вернуться на фронт. Она не позволит кому-то решать её судьбу. В Саратове есть женская лётная школа. А в самолёте не важны ноги. Утром она запишется на курсы.

И лётная школа, и курсы радистов вынесли приговор – непригодна. Вера долго бродила по улицам Саратова. Вернулась в госпиталь уже ближе к полуночи.

Медсестра-старожилка сидела в процедурной и сворачивала выстиранные бинты.

– Баба Валя, давай помогу!

– Помоги, коль не спится. А ты чего такая поникшая?

– Да не берут меня никуда. У всех всё считанные секунды решают, а я со своим увечьем только проблемы создавать буду.

– Ты чего, девка, не навоевалась?

– Надо мне, баба Валя. Не смогу я в тылу сидеть. Неужели никакого дела не найдётся? Руки-то с головой у меня на месте!

– А тебе прям воевать надо? А то у нас при больнице курсы операционных сестёр открывают, для отправки в полевые госпитали. Всё ближе к фронту, раз уж тебе так неймётся.

Вера бросила бинт и расцеловала старенькую медсестру.

Свою пригодность к работе в операционной пришлось долго доказывать. Вера и сама не понимала, откуда у неё вдруг взялось красноречие. В результате комиссия согласилась, что в этом деле важна не скорость, а выносливость, и ни один человек на войне не лишний.

Вера заглянула в свой мир: он снова переливался красками.

Глава 6. Полевой госпиталь

В августе 1943-го Вера ехала к юго-западному фронту санитарным поездом.

Победа в Сталинградской битве возродила надежду на освобождение. Красная армия перешла в наступление. Казалось, даже воздух в вагонах был пропитан восторженным ожиданием. На станциях выбегали узнать новости с передовой.

Прибыли к месту назначения. Их встретил забитый санитарными машинами перрон. Всюду стояли носилки с ранеными. Раздавались радостные крики:

– Орёл освободили!

– Орёл наш! Выперли фрицев!

Вера с трудом отыскала машину своей санроты. Невысокая крепкая девушка командовала погрузкой раненых на поезд. Заглянув в Верины бумаги, она прокричала сквозь шум:

– Операционная сестра? Тебе к нам, в опервзвод. Меня Наташа зовут, я по хозяйственной части. А это Ванечка и Феденька, – указала девушка на санитаров. – Мальчики, вы тут заканчивайте, а мы с Верой за медикаментами сбегает, пока всё не расхватили.

Наташа ловко пробиралась в толпе. Заметив, что Вера отстала, крикнула:

– Догоняй, аптека в восьмом вагоне.

Восьмой вагон отыскался по возмущённым возгласам Наташи:

– Родненькие, вы что, издеваетесь? После таких боёв у нас все медикаменты и перевязочный вышли. Как нам работать? Понимаю, что всем надо, но я вам говорю, что это кот наплакал. Добавьте шовного и перевязочного, о большем уже не прошу.

Наташа сгрузила перед Верой мешки с отвоёванной добычей:

– Принимай! – Тут заметила, что новая медсестра с тросточкой. – Ты как же справляться будешь?

– Справлюсь, уже без подпорки ходить могу. Хромота теперь на всю жизнь, но понемногу приспосабливаюсь.

По дороге в госпиталь Наташка рассказывала о взводе:

– Командир и главный хирург у нас Боренька, Борис Захарович Горненко. Отличный мужик. Паша – второй хирург, тебе с ним работать. У него в Сталинграде при бомбёжке вся семья погибла: мама, сестра, жена и маленькая дочка. Ты к нему с разговорами пока не лезь. Маша – фельдшер, баба Тоня и кухарка, и прачка, и нянька. Две сестрички, Стася и Зоя. Аля – вторая операционная. Ну, а я и шофёр, и завхоз, и плотник, и по уходу, и по горшкам. В общем, на все руки. Людей катастрофически не хватает. Хорошо, местные помогают с уходом.

Приближались к прифронтовой зоне. Ветер доносил раскаты оружейных залпов.

– Загрохотало. Как приедем, я тебе быстро покажу, где и что. Ты перекуси и готовься к операциям. А мы с мальчиками за ранеными. Сегодня горячо будет.

Оперблок размещался в палатке-шатре. Оба хирурга уже приступили к работе. С Борисом Захаровичем, или Боренькой, как называла его Наташа, Вера успела наскоро познакомиться. Встала за второй стол. Павел не поднял головы при её появлении, без слов раскрыл ладонь в ожидании инструмента. Рука требовательно дёрнулась. Вера лихорадочно сообразала, пытаясь включиться в процесс операции. Вложила зажим. Последующие манипуляции проводились в полном молчании.

Хирург погрузил пальцы в рану и застыл. Неожиданно раздался его гневный окрик:

– Маша, что с тобой сегодня?! Соберись!

– Й-й-я не Маша...

Павел поднял взгляд:

– Новенькая? – раздражение ушло из голоса.

– Ага...

– Давай руку. Вот здесь зажми. Да, так.

Раненых везли всю ночь. Павел прекратил играть в молчанку и давал чёткие команды. К утру Вера чуть не падала от усталости.

– Паша, заканчивайте и отдохните пару часов. Новенькая с непривычки с ног валится. Смените потом нас с Алей. – Борис Захарович успевал проследить за всем.

Вера добралась до палатки, рухнула на походную койку и отключилась. Тут же над ухом раздался голос бабы Тони:

– Верочка, просыпайся, Павел тебя заждался в операционной.

– Как? Я же только...

Вере казалось, что она и не спала вовсе, но вместо серого рассвета снаружи светило солнце.

Снова пошли бесконечные операции с короткими перерывами на сон. Вера потеряла счёт времени. Сколько она уже стоит за столом и выполняет приказы Павла? День? Неделю? Порой с непривычки нестерпимо болела нога. Вера закусывала губу под марлевой повязкой, но скорее свалилась бы в обморок, чем показала свою непригодность.

Однажды утром она проснулась от пения птиц и шелеста ветра в листве. Уханье взрывов больше не заглушало звуков природы. Бой кончился.

Вера выбралась из палатки. Персонал оперблока завтракал под открытым небом за столом из ящиков. Заметив новенькую, Ванечка с Феденькой принялись усаживать её поудобней, подносить пшёнку с постным маслом, чай и сахар. Парни хорохорились, каждый стремился превзойти другого в ухаживаниях. Вера же сжалась от назойливого мужского внимания и готова была бежать.

– Хлопцы, остыньте! – осёк их Борис Захарович. – Не видите, не нравятся ей ваши приставания. А ты, Верочка, не робей, никто тебя не обидит. Откуда будешь сама?

– Из Ленинграда.

– В городском полку прибыло, – Борис довольно улыбнулся. – Ширится наша география. Алечка москвичка, оперная певица, с первых дней войны на курсы медсестёр пошла, бросила театр и на фронт. Ещё услышишь её рулады.

Командир произнёс это с гордостью, словно о собственной дочери говорил. Аля же просто протянула Вере руку и крепко, по-мужски, пожала.

– Машенька южанка, с Черноморского побережья. Наташа из Тулы. Стася, Зоя, а вы откуда? Запоматывал я.

Широколищные безбровые девушки, сидевшие рядом, ещё теснее прижались друг к другу, покраснели и одновременно тихо произнесли:

– Из Ижевска.

– А я из такой глухомани, которую и вспоминать не надо, – пробурчала повариха.

– Да ты кладёшь тайн, баба Тоня, – хохотнул один из санитаров.

– Весельчака нашего Иваном зовут, сибиряк он. Дружок его, Фёдор, станичник. Я сам самарский, по-новому куйбышевский. А Павел, – Борис понизил голос, – он из Сталинграда.

Вера не сразу заметила второго хирурга. Павел сидел чуть поодаль, безучастный к общему разговору, будто чужой. Почувствовав взгляд, поднял глаза, и, казалось, не узнал медсестру, с которой работал трое суток.

Послышалось рычание мотора. Грузовик притормозил у палаток, из него выпрыгнул солдатик. Наташка подхватила и побежала ему навстречу.

– Это Пашка, жених её, артиллерист, – пояснила Маша. – Раз отпустили, значит, скоро сниматься.

Работа в полевом госпитале оказалась напряжённой. Приходилось оперировать сутки напролёт, потом срываться с места, ехать за дивизией, размещаться и снова оперировать. Фронт неуклонно двигался на запад, и это придавало сил.

Вера впервые за последние годы не чувствовала себя одинокой. Сослуживцы приняли её без насторожённости и тут же включили в круг фронтовых друзей. Только Павел держался отстранённо. Он не сказал Вере ни слова в короткие минуты отдыха, а когда она освоилась, то и операции стали проходить в молчании.

Наблюдая за точными движениями его рук, Вера поражалась, откуда столько умения в молодом враче. Вне операционной он терял свою уверенность, становился неловким. Ему казалось, что он постоянно кому-то мешает. Обычно Павел сидел в уголке, погружённый с собственными мыслями. Наверное, вспоминал погибших родных.

Вере нравился этот странный человек. Ей хотелось сказать ему что-нибудь ободряющее, но она не осмеливалась нарушить его уединение.

Зимой 44-го госпиталь разместился в чудом уцелевшей школе: отступая, фашисты старались выжечь и уничтожить за собой всё.

– Какое же это универсальное здание – школа. Колыбель знаний неизменно выручает и повзрослевших учеников. – Борис Захарович любовно погладил выщербленную пулями стену. – Ну, ребятки, готовимся к операциям.

Начали подвозить раненых. Глядя на увечья, Вера вспоминала уникальный препарат и пророческие слова отца Ольги о войне. Насколько всё было бы проще, прислушайся в наркомате к профессору. Где же сама Ольга? По-прежнему в колонии или ушла на фронт? Или бережёт себя для исполнения своей миссии? Жива ли?

Спустя сутки, проведённые в операционной, Борис Захарович с Алей ушли отдыхать. Павел тоже с трудом боролся со сном. Сестрички ввели пациента со множественными осколочными ранениями мягких тканей. Операция предстояла простая, но долгая и кропотливая. Вера выглянула в коридор, где раненые ждали своей очереди. Остался один, с вывихом челюсти.

– Павел Сергеевич, идите отдыхать, я сама закончу. Челюсть только вправьте, а то мне сил не хватит.

Павел послушно ушёл. За дверью операционной спросил бойца:

– Как же тебя, братец, угораздило?

– К'ичал...

– Чего кричал?

– Ха одну, ха Хтаина

Вера невольно улыбнулась.

С тех пор, как Вера вернулась на фронт, кошмары оставили её. А с работой в полевом госпитале и сам сон стал редкостью. Порой, добравшись до постели, Вера вспоминала про кокон, но нырнуть в него так и не довелось: сознание отключалось прежде, чем голова касалась подушки.

Впрочем, впервые за последние пять лет Вера почувствовала, что ей не хочется прятаться от людей. В затишье иногда получалось собраться за ужином всем оперблоком. Наташка, считавшая, что коллег нужно непрестанно подбадривать, травила анекдоты. Маша никогда не говорила о войне. В её светлых рассказах – рассветы в горах, закаты в море, страшные зимние штормы, горные речки с маленькими водопадами и сказочные пещеры. Аля иногда пела низким грудным голосом. Одинокая баба Тоня изливала свою нерастраченную любовь на персонал и пациентов. Все для неё были деточками, нуждающимися в заботе и утешении.

Даже Павел иногда вслушивался в разговоры и улыбался. Но по-прежнему молчал. Вера украдкой наблюдала за ним. А ведь доктор красив: тёмные волосы и брови, карие глаза, высокий лоб... И сложен хорошо. Как-то само собой получилось, что она взяла на себя роль няньки: Павел Сергеевич, вам спать пора; Павел Сергеевич, идите обедать; Павел Сергеевич, соберите, что вам постирать надо. Без постоянных напоминаний о насущном доктор и впрямь забывал о своём брэнном теле.

Война же показывала своё уродство. Однажды в госпиталь из сожжённой фашистами деревни привезли четырнадцатилетнюю девочку. Изуверы не просто насильовали ребёнка, они хотели уничтожить саму женскую суть.

Борис Захарович и Павел оперировали вдвоём. У девочки было столько разрывов внутренних органов, что оставалось лишь удивляться, как она до сих пор жива. Вера впервые видела Павла переполненным ненавистью. Кажется, появившись здесь немецкий солдат, он бы рвал его на куски зубами.

Сделали всё возможное. Оставалось только ждать и надеяться на силу молодого организма. Недавно в госпиталь прислали экспериментальный препарат, антибиотик пенициллин. Для спасения девочки Борис дал добро на его применение. Через три дня её состояние оставалось по-прежнему очень тяжёлым, но уже стабильным. Фронт двигался дальше. Девчушку отправили в ближайший стационарный госпиталь. На прощание, собрав все силы, она сказала:

– Я обязательно выживу. Назло им. И полюблю, и детей рожу. И не вспомню никогда тот день.

Вера поразилась силе духа ребёнка. Сама она после изнасилования заглушила в себе женское начало. Мысль о близости с мужчиной и материнстве казалась ей недопустимой. Желание изувеченной девочки жить вопреки всему заставило задуматься.

Однажды в апреле 44-го, в дни затишья, Наташка поехала в расположение, чтобы встретиться с женихом. Вернулась она ближе к ночи:

– Родненькие мои, я вам потрясающую новость привезла!

Вера с Алей и Машей в это время заготавливали перевязочный материал. Павел ужинал, но вышел на Наташкин голос и встал у неё за спиной: в одной руке – котелок, в другой – ложка, которую он так и не донёс до рта.

Наташка выдержала театральную паузу и продолжила, растягивая слова:

– Мы... с Павлом... решили... не ждать... конца войны... и... пожениться завтра!

Все уставились на стоящего за Наташкой Павла. Тот от неожиданности выронил ложку, которая громко звякнула о котелок. Наташка оглянулась. Только сейчас до неё дошло, чему все так изумились:

– Тьфу, не с нашим Павлом, а с моим Пашкой. Мы вас всех приглашаем на свадьбу! Где Боренька и остальные? Побегу, обрадую их.

Ночью было не до сна: собирали невесту. Где-то отыскивали платье и подгоняли его под Наташку. Накручивали волосы на бинты. Из короткой тюлевой занавески сшили фату. Только сапоги заменить оказалось нечем. Борис Захарович снял замер с ножки и отправился в деревню. Через час вернулся со светлыми туфельками.

Все уже разошлись спать, только Вера с Наташкой остались мастерить из марли цветы для венка. Оказавшись наедине, Вера решила спросить о том, что не давало ей покоя последнее время:

– Наташ, а тебе не страшно?

– Чего?

- Ну... этого... первой ночи.
- Дурочка, чего там бояться?
- Не знаю. Но как подумаю, страшно становится.
- Не о тех, значит, думаешь. С любимым не страшно.
- Так ты уже?..
- Ага. Я ж каждый раз с ним навсегда прощаюсь. Как бой – сама едва живу. А как снова вижу, так аж врать в него хочется, тело само просит.
- Чего просит?
- Того! Хорошо ему, вот и просит.
- Наташ, а как хорошо?
- Приятно. Когда на качелях сильно раскачаешься, дух захватывает и в животе щекочет. Бывало такое?
- Бывало.
- Только это ещё лучше.

Откровение Наташки привело Веру в смятение. О том, что от близости бывает приятно, она не знала. В колонии о половых отношениях отзывались с мерзостью, как о чём-то постыдном и унижительном. В семье же на подобные темы никогда не говорили. Но Вера помнила, какой смущённой и счастливой выглядела по утрам мать в дни побывок отца.

Через несколько дней выдался случай попариться в бане. Когда все уже помылись, Вера задержалась в парной. Ей хотелось изучить своё тело. Понять, как может быть хорошо от прикосновений мужчины. Она провела рукой по груди. Перед глазами встал Яшка. Противно засосало под ложечкой. Как там сказала Наташка? Не о тех думаешь? Но Вера ни о ком не думала, Яшка сам явился. А если думать о другом? Представить, что её ласкает Павел? Эта мысль привела в страшное смущение. Как такое вообще могло прийти в голову?! Вера поскорее оделась.

С того дня грёзы о Павле, как бы Вера их ни гнала, постоянно к ней возвращались. Но предавалась она лишь возвышенным мечтам.

Вот он появился в разгар бала:

- Дорогая Вера Алексеевна, у меня лишь десять минут. Через час я должен явиться в полк. Но не в моих силах уехать, не станцевав с вами на прощанье.
- Они кружились в вальсе, затем он писал признание в блокнот.

Только сам Павел по-прежнему не проявлял к ней интереса.

В сумерках к госпиталю подъехала телега. Правившая лошадь старуха бросила вожжи и кинулась в ноги медикам:

- Помогите дочке, вторые сутки разродиться не может.
- В повозке на сене лежала беременная женщина, измученная схватками.
- Это по Машиной части. Пациентку перенесли в операционную.
- Спустя пару минут Маша выбежала:
- Павел, там поперечное предлежание, кесарить надо.
- Старуха заплакала:
- Главное, дочку спасите, о ребёнке не думайте. Фашистское отродье в утробе уже убивает.

После операции Маша вынесла новорождённого старухе:

– Мальчик. Найдёте молоко? Лучше козье. Мама останется у нас на пару дней, кормить грудью ей пока нельзя.

– Его закопать живьём надо, а не кормить!

– Вы что говорите такое?!

– Мою Дуню эти сволочи не спрашивали, когда ублюдка заделали. За что ей такое? А теперь ещё и с дитём окаянным...

Павел услышал разговор и вышел к старухе:

– Мать, я дочь свою не видел: родилась, когда меня на фронт забрали. А через год погибла при бомбёжке. Но будь она жива, я бы знал, для кого дышу и к кому мне с войны вернуться. Ребёнок не наказание. Хуже одному остаться. – Он взял из рук Маши крошечный свёрток и передал женщине. – Не зря он не хотел на свет выходить, где его ждёт одна ненависть. Любите, растите хорошим человеком – и будет вам поддержка в старости.

Впервые Павел произнёс такую длинную речь. Судьба малыша, что пришёл в этот мир непрошенным, заставила прервать затянувшееся молчание.

Ночью Вера не могла уснуть. Всё прокручивала в голове слова Павла. Значит, он не видит для себя смысла в жизни и страдает в одиночестве? Интересно, какой была его жена? Сильно ли он её любил? И сможет когда-нибудь вновь чувствовать?

Чтобы отвлечься и уснуть, Вера погрузилась в свой мир. Вот она, также в размышлениях, в своей спальне в квартире Шуваловых на Васильевском. Под окном раздаётся цокот копыт. Сердце замирает. Вера бежит к окну: внизу офицер верхом. Накинув шаль на плечи, графиня Шувалова спешит на улицу. Павел спешивается и заключает её в объятия:

– Вера Алексеевна, голубушка, вы замёрзнете! У меня лишь два часа. В Петербурге я с важным донесением императору, утром необходимо возвращаться на поля сражений. Но мне хотелось хотя бы взглянуть на ваши окна.

«Может, эта встреча последняя, и больше я его никогда не увижу», – Вера берёт ночного гостя за руку и ведёт к себе в спальню...

Сквозь тонкую ткань сорочки Павел ласкает её плечи и грудь. Тело охватывает желание чего-то неведомого, прекрасного. Его руки спускаются к бёдрам, животу, скользят ниже. Нутро пульсирует, тягуче и сладко.

Вера застонала во сне и проснулась в своей походной койке. В смущении оглянулась: не разбудила ли девчонок? Все спокойно спали.

«Моё тело по-прежнему живо. Лишь запреты разума не давали проявиться чувственности».

Вера задумалась: если бы настоящий Павел проявил к ней интерес, хватило бы ей смелости ответить? Или внимание мужчины по-прежнему будет вызывать в ней страх? Испытывает ли она чувства к нему?

Однажды Павел показал на толстую подошву на Верином сапоге:

– Что у тебя с ногой?

«Надо же, заметил. Спустя год».

– Осколок гранаты раздробил кость под коленом.

– Давай посмотрю.

Вера сняла галифе и забралась на стол. Павел долго ощупывал и сгибал её ногу.

«Будь я влюблена, его прикосновения волновали бы меня. Но я чувствую только смущение. Может, это от того, что он не видит во мне женщину? Я для него всего лишь интересный случай в практике».

– Кость срослась неправильно и не даёт суставу полностью согнуться. До войны разрабатывали новый метод лечения подобных травм: надо снова сломать берцовые кости, соединить спицами, а потом вытягивать. Процесс долгий, но он того стоит. Полностью подвижность вряд ли вернётся, но удлинить ногу можно.

– Сначала до конца войны дожить надо. А там и о ноге подумаю.

«Вот и всё. Он касался меня, а я не чувствовала щекотки в животе. Он тоже не тот». Вера натянула галифе и вернулась к делам.

В конце июня 1944-го подошли к Днепру. Госпиталь разместили в двадцати километрах от линии фронта. Раненых везли нескончаемым потоком. Третьи сутки оперировали, практически без сна. Казалось, только закончили, как подвозили новых и выгружали в поле перед госпиталем.

На третий день небе появились два немецких истребителя. Все, кто мог, понесли раненых в укрытие под деревьями. В землю ударили пулемётные очереди. Вдруг за спиной Веры раздался грохот, и её волной отбросило в кусты. Уши заложило, вокруг потемнело от дыма и взметённой земли. Как сквозь вату она услышала крик: «Доктора убило!»

Вера поднялась. Дым начал рассеиваться. Палатки госпиталя больше не было.

«Доктора убило... Павла убило!»

В один миг рухнули оба мира.

Вера осела на землю, обхватила голову руками. Из груди рвался горестный вопль.

– Вера! Что? Ранили?

«Павел?.. Живой!»

Она обняла его и покрыла лицо поцелуями:

– П-паша-а... Я д-думала, т-тебя убили-и-и...

Павел грубо оттолкнул её:

– Прекрати истерику! Помоги раненым!

Снаряд упал в стороне. Палатку снесло взрывной волной. Из оперблока никого не зацепило.

Снова операции. Не до чувств. Но Вера теперь точно знала, что любит. И досадовала, что так неосторожно открылась. Павел оттолкнул её. Она ему не нужна.

В последующие дни ничего не изменилось в их отношениях. Видимо, Павел списал всё на шок.

Вера принялась тщательно контролировать каждый свой взгляд и вздох, чтобы никто не разглядел её чувств. Она запрещала себе думать о реальном Павле. Какой смысл тешить себя надеждой на взаимность? Хирург – красивый мужчина. Она видела, с каким призывом порой смотрели на него женщины. Зачем ему девчонка-калека с тёмным прошлым?

Он по-прежнему командовал в операционной, а она – в быту. Он подчинялся ей, как послушный ребёнок. На этом всё общение и заканчивалось.

В сентябре при смене места дислокации госпиталь попал под обстрел. Два грузовика опервзвода отстали от батальона. Ехали через лесок, как вдруг раздалась выстрелы. Борис, Павел, Наташка и санитары укрылись за колёсами и отстреливались. За деревьями раздался короткий вопль: попали в цель. Стрельба с той стороны стихла.

Бориса ранило в плечо. Он дал Павлу только наскоро наложить повязку.

– Все целы?

Не было Зои и Стаси. Девушек нашли в кузове. Стася беззвучно плакала над Зоей. Сестрички так сроднились, что, когда убили одну, другой и в голову не пришло бросить её. Фёдор оттащил Стасю от мёртвой подруги и прижал к груди.

Ранение командира оказалось сквозным. Через несколько дней он вернулся к операциям.

Ближе к новому году заметили, что Наташка округлилась. Она и не скрывала радости. Зарождение новой жизни в последние месяцы войны восприняли как знамение.

– Если будет девочка, назову Виктория, победа. А если мальчик – то Виктор, – озвучила общее настроение будущая мать.

Новый год отмечали в Польше. Пили только за то, чтобы это был последний военный год. Фёдор, дождавшись очереди говорить тост, добавил к нему, что они со Стасей решили пожениться в первое же затишье.

Глава 7. Павел

В середине января с минимальными потерями освободили Варшаву. Механики нашли в полях брошенный Додж. Внедорожник, хоть внешне пострадал от войны и времени, оказался на ходу. После небольшого ремонта его отдали госпиталю – Борис давно хотел манёвренный автомобиль к неуклюжим грузовикам. Наташка прозвала Додж Полечкой.

В эти же дни Федя и Стася играли свадьбу. Брак заключил командир батальона. Праздновали в госпитале. На этот раз разместились в полуразрушенной сельской больнице с заколоченными окнами. Стол накрыли в одной из пустых палат. Из освещения – керосинка и огонь печурки. Фёдор раздобыл где-то бутылку домашнего вина.

Беременность сделала Наташку сентиментальной. Насмотревшись на молодых, она пустила слезу:

– Боренька, можно я к мужу на Полечке съезжу?

Борис кивнул.

Молодые ушли к себе.

Маша смаковала вино:

– На вкус как наше.

– Не долго осталось, Машенька, скоро и своё попробуешь. Пойду я отдыхать, ребятки. Долго не засиживайтесь – утром в путь. – Борис Захарович встал из-за стола. За ним поднялись остальные.

Баба Тоня принялась убирать со стола. Завернула в тряпицы хлеб и сало, накрыла тарелкой чугунок с картошкой. Вера пригласилась возле печки, разомлела от тепла и вина. Павел тоже не торопился уходить. Глянув на них, баба Тоня молча оставила горсть сухарей, два мочёных яблока и отправилась к себе.

Павел наполнил стаканы. Вера пригубила.

– Первый раз в жизни пью вино. Кажется, я уже захмелела, но мне хорошо.

Он посмотрел с удивлением:

– Вера, откуда ты?

– Из Ленинграда.

– Твои родные живы?

– Не знаю. О родителях и брате шесть лет ничего не слышно. Осталась одна бабушка. Но последнее письмо от неё было в декабре сорок первого.

– А что с родителями?

Вера молчала.

– Не хочешь говорить?

– Нет, хочу!

Она испугалась своей решимости, но отступить не собиралась. Сейчас откроет Павлу всё – и будь что будет. Если он почувствует отвращение к её прошлому и отвернётся, то пусть это случится теперь, чтобы не жить больше напрасными надеждами.

– В тридцать восьмом – мне только исполнилось пятнадцать – отца объявили врагом народа. Вместе с ним забрали маму и брата. Чуть позже и меня. – Вера рассказала о колонии, об изнасиловании, об Ольге, научившей её выживать в том страшном месте, о решении уйти на фронт, чтобы получить досрочное освобождение, про первый год войны и ранение. Иногда она поглядывала на Павла, чтобы понять, что он думает. Видела на его лице изумление, негодование, сострадание, порой злость и ненависть, только не отвращение. О мире в коконе Вера умолчала. – А после Саратова я попала в наш госпиталь. Остальное вы знаете.

Павел будто оцепенел. Вера ждала его слов, как приговора. Он поднялся, подкинул дров в печурку. Сел напротив. Наконец спросил:

– Тебе сейчас двадцать два?

– Двадцать один.

– Как ты смогла всё это пережить, не сойти с ума и остаться человеком? Где ты взяла силы вернуться на фронт, хотя могла остаться в тылу?

– Скорее, мне не хватило смелости уехать в тыл. Думалось, что это конец: одинокая и сломанная, выброшенная на задворки жизни.

Павел снова разлил вино.

– Теперь ваша очередь.

– Что?

– Ваша очередь рассказывать. Откровенность за откровенность.

– Справедливо. Только после твоей исповеди неловко как-то жаловаться.

– А вы начните. Это счастье может быть одно на всех, а боль у каждого своя, и в сравнении с чужой меньше она не становится.

Павел потёр лоб. Вере подумалось, что этим жестом он смёл налёт времени с воспоминаний.

– Что ж... Моя жизнь перевернулась с войной. Звучит банально: у кого бы она осталась прежней в этой мясорубке? Но в первый же месяц во мне умер восторженный мальчишка с высокими идеалами. Я ушёл на фронт добровольцем сразу после института, в двадцать пять. В окопы, правда, не пустили: бойцов и без меня хватало, а вот хирурги ценились на вес золота. Дома в Сталинграде осталась беременная жена, Аврора. Полюбил её ещё в школе, когда нам было лет по двенадцать, но не решался даже заговорить. Всё в ней было особенным: казалось, никто так поправляет волосы, не шурит глаза. Я посвящал ей стихи, исписал десятки тетрадей. В старших классах она стала встречаться с одноклассником. Я сходил с ума от ревности, но по-прежнему ничего не делал. После выпускного наши пути разошлись. Иногда я видел Аврору издали: жили мы в соседних дворах. И продолжал любить.

Вера пыталась представить, каким был Павел в детстве. Стихи и преданность любимой не вязались с этим взрослым, скупым на эмоции человеком.

– Однажды, в начале третьего курса, я возвращался домой. Вдруг меня позвали по имени. Оглянулся – это была она. «Ты домой?» – спрашивает. «Да», – говорю. «Если не торопишься, давай прогуляемся: люблю осень». И сама взяла меня под руку. Мы бродили несколько часов. Она всё это время о чём-то рассказывала. Но до меня не доходил смысл слов: как зачарованный, слушал её голос и не мог поверить, что касаюсь её руки. Я не заметил, как стемнело и начался дождь. Когда прощались, спросил: «Аврора, мы ещё встретимся?». Она рассмеялась: «Давай. В субботу ходим в кино?». Мы встречались три года. И прожили в браке два. Я был словно околдован, трепетал от каждого её жеста и вздоха. Мне казалось, всё, что делала Аврора, было отмечено особой значимостью. При этом я не знал, что она за человек. Замечал её мелкие дразги с сестрой, грубость с матерью, но думал, что всё это чужеродно и вскоре отлетит как шелуха, оставив одни добродетели.

Павел помрачнел и замолчал. Вера поняла, что его рассказ подошёл к самому страшному:

– Павел Сергеевич, если...

Он покачал головой:

– Теперь уж придётся до конца идти. Иначе что же это за признание? Когда я сказал, что записался добровольцем, её красивое лицо исказило презрение. И ненависть. Она кричала, что я не имею права оставлять её. Тогда впервые понял, что женат на незнакомке. Первые месяцы войны развеяли очарование. Я до мельчайших подробностей помнил все особенности, которые сводили меня с ума, но они вдруг перестали иметь значение. Ещё больше досадовал от её писем. Аврора писала, что любимая осень не радуется, что чувствует шевеление нашего ребёнка,

что не хватает продуктов. Прикладывала нескладные стихи без смысла... Мне казалось, что она обладала чуткостью, знала слова, которые сделали бы меня сильнее, заслонили, как щитом, а вместо них она писала о нехватке продуктов тому, которому не хватало жизни. Вспоминая её, я видел перед собой ту перекошенную злобой гримасу. В октябре погиб отец. После этого при мыслях о жене меня разбирала злость.

Он посмотрел на Веру:

– Ты была на передовой в то время и не хуже меня знаешь, что творилось, когда отступали и вырывались из окружения. Два госпиталя, в которых я работал, были практически полностью уничтожены вместе с дивизиями. Под Воронежем меня, раненого и без сознания, вытаскивала Наташка. Отлечиваться было некогда: чуть подлатали, и снова на фронт, оперировать. Не передать ярости и бессилия от вида раненых девушек. Порой какие-то обрубки тел. А тут снова письмо от жены. Пишет, что сменила причёску. После сжигал её письма, не читая. Собирали по частям изувеченных девчонок и думал с ненавистью: как бы ты поправляла волосы без рук? Как бы обезобразили твою нежную кожу ожоги? Как бы величественно ты взирала без глаз? И как бы ты сохраняла достоинство в крови, в дерьме и с кишками наружу?

Павел надолго замолчал. Стало так тихо, что треск поленьев в печурке казался оглушающим. Вера подумала, что на Павел больше не заговорит, и вздрогнула при звуке его голоса:

– Тогда умерла не любовь к жене. Во мне умер любивший её человек. Будь она жива, я бы вернулся к ней, и нам бы пришлось начать всё заново. Но её больше нет. Соседка написала, как на её глазах погибли мама, сестрёнка и Аврора с нашей дочкой, а я даже не почувствовал боли от потери жены. Плакал всех кроме неё. Спустя время понял, что Аврора была не виновата в моём разочаровании. Я сам её такой придумал. Стало нестерпимо стыдно за то, что ненавидел... Как будто оставил без защиты, отняв свою любовь. Вот такая у меня история, Вера.

Вера не находила слов. Но Павел и не ждал ответа.

– Пойдём спать. Утром нам в путь. И... спасибо тебе, девочка, что выслушала. Не могу сказать, что стало легче, но вдруг какая-то ясность появилась. – Он уже направился к себе, но вдруг обернулся: – А поехали завтра вместе на Полечке? Как доставим раненых, пересаживайся ко мне из грузовика.

Вера не смогла сдержать улыбку.

Ещё затемно госпиталь начал сворачиваться. Раненых осталось немного, их разместили в одном из грузовиков, а во второй, с оборудованием, отправили вперёд.

С самого пробуждения Веру не оставляла счастливая лёгкость: Павла не держит прошлое, и они проведут несколько часов вдвоём. Во время сборов она не раз ловила на себе его взгляд. Они заговорщически улыбались друг другу.

Борис Захарович, Аля, Ваня и баба Тоня уехали на грузовике со скарбом. Остальные повезли раненых в Варшавский госпиталь.

В больничном дворе было тесно от машин и носилок. Передав пациентов санитарам, Павел обернулся к остальным:

– Надо бы запас медикаментов пополнить. Пойду узнаю, чем они могут поделиться, и поедем.

На крыльцо выбежала женщина в белом халате. Она закричала по-польски, подзывая к себе Павла.

Вера не понимала слов, но смысл был понятен и без них. Полька о чём-то оживлённо рассказывала и призывно жестикулировала. Красивая: блестящие волосы аккуратно уложены, чистый белый халат надет поверх платья в цветочек, на стройных ногах – чулки и короткие

изящные ботинки. Даже губы подкрашены. Она так легко говорила и смеялась... Павел улыбался в ответ, глаза горели восторгом.

Грузовик перегородил въезд во двор. Прибывающие машины нетерпеливо сигналили. Павел крикнул:

– Езжайте, я догоню. – Взбежал на крыльцо и скрылся в дверях вслед за полькой.

Счастье погасло. Вера поплелась к грузовику. Маша, сидевшая в кабине с Наташкой, держала дверцу открытой. Но Вера полезла в кузов.

– Ты куда? – удивилась Маша.

– Нога болит, прилечь хочу.

В кузове уединились новобрачные. Вера устроилась на матрасах, подальше от них, и отвернулась к бортику. Болела не нога. Болело в груди: там, где ещё пять минут назад гнезился тёплый и трепетный птенец надежды, зияла чёрная пустота.

«Вот и всё... На что надеялась? Скоротал вечер. А я, дура, разоткровенничалась. И он тоже. Облегчил душу, высказался, теперь свободен. Свободен для других женщин. Не для изнасилованной эчки-калеки... Говорят, Варшава – красивый город. Павел хотел проехать по нему вместе со мной. Красивый... Но я вижу только хмурое небо и грязный снег. Грязный липкий снег... Липкая грязь, как у меня внутри...»

Выехали из города. Вера долго всматривалась в вереницу машин, пытаясь на поворотах разглядеть догоняющую их Полечку, пока ранние зимние сумерки не стёрли узнаваемость.

К госпиталю подъехали поздним вечером. Борис Захарович выбрал для него здание не то клуба, не то деревенского дома культуры. Тут были даже вода и электричество. Баба Тоня наскоро приготовила нехитрый ужин. Вере кусок в горло не лез, но она заставила себя поесть, чтобы никто не задавал вопросов.

После ужина Аля подхватила её под руку:

– Пойдём, что покажу.

Они прошли в конец длинного коридора. Аля открыла дверь одной из комнат. Вера застыла в изумлении: зал хореографии с зеркальными стенами и станками по периметру.

– Идеальное место для операционной: яркий свет и нет окон, не надо о светомаскировке думать.

Вскоре разошлись отдыхать. Павла всё не было. Вера ждала его у окна около двух часов. Неужели с той полячкой он забыл обо всём на свете? А вдруг что-то случилось? В метаниях от ревности к тревоге Вера бродила по коридорам. Дверь в зал хореографии осталась открытой. Зеркала услужливо отразили нелепо ковыляющую фигурку, множа её в зеркальных коридорах.

«Будто одного отражения мало, чтобы понять, как я уродлива».

Вера подошла к зеркалу вплотную и всмотрелась в своё лицо: обветренная кожа шелушилась, губы растрескались, под глазами залегли тени, выбившиеся из косы пряди прилипли ко лбу. Когда она в последний раз мыла голову? Дней десять назад? Вспомнился блеск чистых волос польки. Надо нагреть воды и привести себя в порядок.

Подбросив в печурку дров, Вера взяла ведро и отправилась было за водой, как в памяти всплыл разговор с Ольгой. Когда та в очередной раз побрилась, Вера спросила, зачем она себя так уродует. Ольга ответила: «Знаешь, Верка, порядочным человеком быть куда сложнее, чем красивой бабой. Когда освобожусь, отращу волосы, надену платье, и – вуаля. Только гнилое нутро никакие наряды не исправят. Да и зачем мне здесь прихорашиваться? Чтоб Яшку радовать? Нет, не женское это место. Нам, главное, выжить и не сломаться. Об остальном позже думать будем».

Выжить и не сломаться... А Вере больно. Болит надлом её женственности. Права Ольга: всё остальное потом.

Бритвенные принадлежности нашлись в ящике с инструментами, а ножницы куда-то запропастились. Не беда, и ножом можно справиться. Вера принялась пилить тугую косу под корень, волосы жалобно скрипели под лезвием. Оставшиеся вихры она выскоблила опасной бритвой и бросила волосы в печь. Огонь затрещал возмущённо. «Вот и всё. Жаль, что нельзя так же сжечь боль».

Снова тянулось ожидание у окна. Давно перевалило за полночь. Лысая голова мёрзла, и Вера повязала косынку.

Послышался приближающийся звук мотора. Машина остановилась перед госпиталем. Полечка!

– Ты что не спишь? – удивился Павел, увидев встречающую его Веру. – Ни за что не угадаешь, что я привёз!

Она не ответила.

– Вера, морфин! Ты представляешь? Морфин!

– Что ж вы так долго его везли?

– Да встрял за артиллерией, еле тащился, обогнать никак. Вера, ты не понимаешь, что ли? У нас есть морфин! Это глубокий наркоз!

– Я знаю.

Павел оставил попытки добиться от неё радости:

– Здесь есть вода? Мне бы умыться. И перекусить чего.

– Пойдёмте, покажу.

Вера повела его в комнату с печкой, в которой устроили кухню и столовую. В отличие от мрачного фойе здесь было светло.

Павел вдруг сдёрнул с неё косынку:

– Ты что наделала?

– А зачем мне волосы? Сейчас не время быть женщиной.

– Ч-чего-о?..

В его тёмных глазах вспыхнули озорные искорки, уголки губ поползли вверх.

– А польская врачиха красивая. Правда? – издевался он.

– Не разглядывала.

– Разглядывала, я видел. – Он уже смеялся. – Представляешь, они с мужем работали в этой больнице ещё до войны. Перед приходом немцев вывезли раненых в безопасное место и сожгли картотеку, чтобы по ней не смогли найти евреев. Но сами не успели уехать. Жили по чужим документам у друзей. Если бы фашисты узнали, что они врачи, то могли бы привлечь к работе. Эти супруги продолжали тайно практиковать и даже основали подполье. Многие в городе их знали, но никто не выдал. И вот, когда Варшаву освободили, они ночью вернулись в свою больницу, – а немцы там госпиталь устроили – открыли склады, а там – просто пещера Али-Бабы. Фрицы так торопились, что бросили всё: медикаменты, новые наборы хирургических инструментов, шёлк и кетгут, и морфин. Для одной больницы всего было слишком много, вот супруги и решили поделиться с полевыми госпиталями.

Веру сжигал стыд.

– Почему ты не дождалась? Мне казалось, мы договорились ехать вместе.

«Потому что я ревнивая дура!»

Наутро Вера с трудом проснулась. Она появилась на кухне, когда все заканчивали завтракать. Павла за столом не было. При виде бритой головы разговоры смолкли.

– Верка-а... Ты чего?

– Вши завелись.

– А налысо-то зачем? Вывели бы.

Вера налила себе чай и села рядом с Машей и Наташкой:

– Отрастут. Устала уже от косы.

Девчонки ещё поохали, но больше ни о чём не спрашивали.

Вдали слышались залпы. Наташка оставила недопитый чай:

– Загрохотало. Ваня, Федя, поехали!

– Наташ, хватит тебе ездить, в твоём-то положении...

– Не могу, Маруся, муж у меня там. Только изведусь, если останусь.

А Павел всё не выходил. Вера не решалась спросить о нём, но на выручку пришла баба Тоня:

– Боря, где Павлик? Остынет же всё.

– Не знаю. Встал он раньше меня.

Наконец он появился, бросил общее «доброе утро», забрал свой завтрак и ушёл. На Веру даже не взглянул.

Весь оставшийся день Павел избегал её. Даже на операциях она чувствовала возведённую им стену. Ничего не изменилось ни в следующий день, ни через неделю. Павел стал чужим и самостоятельным: сам решал, когда ему есть и спать. Все попытки Веры начать разговор сворачивал на подступах.

«Всё-таки он разочаровался во мне. Так же, как раньше в жене, когда она писала пустые письма. И всё из-за моей глупой ревности».

Упрямая Наташка наотрез отказывалась ехать в тыл. В марте на свет появился Витюша. С трудом удалось заставить неугомонную мать отдохнуть после родов хотя бы неделю. Но ни часом более Наташка маяться в постели не собиралась. Завидев её в форме, Маша не могла сдержать возмущение:

– Да что ты за мать? Кукушка, а не мать!

– Маруся, не паникуй, я Витюшу на бабу Тоню оставила, молоко сцедила. Помоги ей, у тебя же опыт, как ни у кого здесь.

Спорить с Наташкой – себе дороже. Маша сдалась.

С приходом весны время стало осязаемым, будто запустили обратный отсчёт до начала мирной жизни. Всем не терпелось вернуться домой. Веру же ждала неизвестность. И одиночество. Персонал госпиталя стал для неё семьёй. Павел рядом, хотя по-прежнему прятался за возведённой стеной. Но после и этого не будет.

Пришла почта. Все, кроме Веры, Павла и бабы Тони, получили весточки из дома. Маша лучилась счастьем. Не в силах вместить в себя радость, она зачитала письмо всем:

– «Дорогая моя доченька! Вот мы и вернулись домой. Прасковеевка уцелела. От нашего дома остались стены, крыша и печь, но и это уже счастье. В саду выжили яблоня, груша и кусты смородины. Надеюсь, и виноград даст лозу. На чердаке нашла спрятанные до войны пакетики с семенами. Посадила рассаду. Лодка пропала, но Аркадий уже мастерит новую. Приступы после контузии у него случаются всё реже, и уже не такие сильные. Заработала школа. Сегодня Ксения и Митя первый раз пошли на уроки. Доченька, очень ждём твоего возвращения». Дальше уже от мужа, – засмущалась Маша.

От простого, полного житейских хлопот письма на душе потеплело. Где-то там, далеко, есть дом, и совсем скоро дорога повернёт в его сторону.

– А мне маманя пишет, что забывают кабанчика и пирогов напекут, – делился Ванечка.

– Наташа, а вы куда?

– Мы ещё не решили. Я тульская, Паша – из Ульяновска. Все к себе зовут. Съездим, посмотрим, где устроиться.

– Стася, тебе кто весточку прислал?

– Серафима Ильинична, воспитатель из детского дома в Ижевске, откуда мы с Зоей. Поздравляет со свадьбой и ждёт назад. Но мы решили к Феде ехать. У него отец инвалид, тяжело одному.

– А мне директор театра. Говорит, чтоб к новому сезону в Москве была, без меня не начнут, – смеялась Аля.

– Борис Захарович, что у вас?

– У дочери свадьба намечается, только меня и жениха с фронта ждут. Павел, а ты куда? Павел пожал плечами:

– Не знаю. В Сталинград не вернусь, у моих там даже могил нет. Посмотрим, куда вынесет.

Вдруг раздалось горестные всхлипывания бабы Тони. Утерев слёзы, она проговорила:

– А я и возвращаться никуда не хочу. Чего мне там одной? Вы же мне родными стали, как теперь без вас?

Повисло тяжёлое молчание. Первым заговорил Фёдор:

– Баба Тоня, поехали к нам в станицу? Дом у нас с батей большой, места всем хватит. Нарожаем со Стасей внуков тебе. Вон, первый к ноябрю уже появится.

Вдруг сделалось шумно и радостно. Все поздравляли бабу Тоню, Стасю, Фёдора, командира. Гвалт, смех и неразбериха.

Вера гнала от себя мысли о возвращении в Ленинград. После разлада с Павлом она опять стала прятаться в кокон. Но пора было задуматься о будущем. Если бабушки нет в живых и родители не вернулись, то придётся устраиваться самой, найти работу и какое-нибудь жильё.

В апреле вошли в Чехословакию. Продвигались быстро: фашисты отступали без серьёзного сопротивления. Остановились в чешской деревушке, опять в школе. В воздухе разливался пьянящий запах цветущих садов.

Вечером Вера устроилась на ступеньке крыльца, любовалась золотистым закатом и слушала стрёкот цикад. Вышел Павел, сел рядом. Минут десять молчали, не глядя друг на друга.

– Вера, куда мы поедem после победы?

Вера не поняла, о чём он спрашивает. Сказала неуверенно:

– Домой, в Советский Союз...

– Это понятно. Мы с тобой куда поедem? Ты бы куда хотела?

– В Ленинград. Но как?..

Павел сорвал травинку и обернул вокруг Вериного безымянного пальца.

– Выходи за меня.

Вера смотрела на зелёное колечко на своей руке; по щекам катились слёзы.

Свадьбу сыграли на следующий день. С утра Павел с Верой на Полечке съездили в батальон, зарегистрировали брак, а по возвращении их ждал накрытый стол и огромная кровать в одном из классов школы. Увидев брачное ложе, Вера сжалась. Она понимала, что близости не избежать, но не ожидала такого явного указания.

«Что ж, потерплю. Лишь бы он не был слишком грубым».

– Верка, как ты решилась сменить звучную фамилию Шувалова на Горюнова? – подтрунивала над ней Наташка.

– Чего ты глупости болтаешь? Мужа целиком берут, с фамилией, а не выбирают по частям то, что нравится.

– Да ладно тебе, баба Тоня, Наташка шутит.

Уселись за стол. Тосты перемежались с криками «Горько». В свои неполные двадцать два Вера впервые целовалась по-настоящему. Она и не думала, что это делается с языком.

Снова повели разговор о возвращении.

– Павел, куда вы решили после войны?

– В Ленинград. Попробуем устроиться, с жильём что-нибудь придумать.

– Может, ко мне в Куйбышев? С работой и комнатой помогу.

– Спасибо, Борис, но Верины родные могут ждать её в Ленинграде. Связь с ними потеряна. Будем на месте искать. А там посмотрим.

– А перед дождливым Ленинградом приезжайте ко мне погостить. Отдохнёте на море. Торопиться вам некуда, устройте себе медовый месяц. Муж лодку смастерил, на рыбалку сходите.

– Спасибо, Маша, я бы с удовольствием: море не видел никогда. Вера, поедem?

Вера не хотела задерживаться, но муж смотрел с такой надеждой, что она согласилась.

Павел встал, взял Веру за руку и повёл в комнату с кроватью.

«Пожалуйста, только не торопись», – мысленно молила она.

Он был терпелив. Нежно гладил лицо, шею, перебирал отросшие волосы. Умелые руки хирурга оказались чуткими и в ласках. Поцелуй в губы. Ступор отступил, Вера обняла мужа. Его ладонь забралась под одежду и мягко сжала грудь, отчего сладко потянуло вниз живота. Отлетела в сторону гимнастёрка, юбка упала к ногам. Он отнёс жену на кровать и разделся сам. Вера увидела на его набухший орган и снова испугалась: из уголков сознания встал Яшка. Павел лёг рядом, прижимаясь этим жутким отростком к её бедру.

«Смотри ему в лицо. С любимым не страшно. Здесь только Павел, Яшки нет».

– Паша, только не торопись...

– Я помню, маленькая, – прошептал он на ухо и покрыл поцелуями лицо, шею, грудь, спускаясь всё ниже по животу... Его губы и язык там!

«Как такое возможно?! Как такое возможно вообще, и тем более со мной? Моё грязное, поруганное тело... Он поднял его из той липкой мерзости, освятил ласками... О-о-о-ох...»

Павел лёг сверху, придавил приятной тяжестью. Страх исчез, Вера сама желала близости. Наслаждение нарастало, становилось острее. Тело содрогнулось от первой волны удовольствия, за которой накатила вторая... Павел сжал её в объятиях, ускорил движения и замер со стоном...

– Паш, ты меня любишь?

Они отдыхали, обессиленные. Голова Веры покоилась на груди мужа.

– Люблю.

– А когда ты это понял?

– Хм... Когда ты побрилась.

– Почему сразу не сказал? Почему молчал три месяца?

– Думал.

– О чём?

– О том, что я, выгоревший хрыч, могу дать молодой девчонке. Сумею ли сделать счастливой?

– А потом?

– А потом понял, что одна ты ещё несчастнее будешь.

Вера кивнула.

– Ты меня на семь лет старше. Не так уж и много.

– А пережито нами ещё больше.

– Паш, ты только разговаривай со мной. Хотя бы не очень редко.

Павел рассмеялся:

– Иногда буду. В перерывах, когда уже не смогу тебя хотеть.

Он вновь потянулся к жене.

Глава 8. Возвращение

Прагу освободили через пять дней после победы над Германией. Пришло время отправляться домой.

В обратном направлении двигались медленно: дороги были запружены возвращающимися армиями. К середине июня прибыли в Киев. Тут пути персонала госпиталя расходились. Вера, Павел, Маша, Фёдор со Стасей и бабой Тоней отправились на Полечке до Ростова. Неучтённый Додж решили отдать Феде, в станице такая машина ох как пригодится. После Ростова до Машиного села добирались на попутках.

– Смешное название – Фальшивый Геленджик. Отчего такое? – удивлялся Павел. Они расселись в кузове грузовика, водитель которого согласился подбросить их до Фальшивого Геленджика.

– Так прозвали черкесский аул Мэзыб после русско-турецкой войны. Сам Геленджик в старину был торговым городом. Выставляли там и живой товар, славянских девушек, светло-волосых и голубоглазых. Геленджик с черкесского так и переводится – белая невеста. – Маша с трудом перекрикивала рёв мотора. – Так вот, рисунок прибрежных скал у настоящего и фальшивого Геленджиков очень схож, только у настоящего есть широкая бухта. Жители Мэзыба пользовались этим: разжигали ночью сигнальные огни и приманивали торговые корабли. Как думалось морякам, они заходили в бухту, но вместо этого садились на прибрежную мель. А там уже поджидали черкесские головорезы.

– Да-а, весёлые нравы были.

– Но в русско-турецкую войну этот пиратский приём использовали, чтобы обмануть врага: поставили декорации домов и русских кораблей, зажгли огни и ждали турецкий флот. Турки, понятно, подумали, что приплыли в Геленджик и стали расстреливать картонные фальшивки. В это время русская эскадра вышла из геленджиковской бухты и напала на противника, который уже разрядил все орудия. Так и закрепилось название. Жаль, что с самолётами этот фокус не работает.

От Фальшивого Геленджика до Машиного села оставалось пятнадцать километров. Часть их прошли пешком, а другую – проехали на телеге.

Веру, привыкшую к широким песчаным пляжам, удивила узкая каменистая полоска берега, всегда пустынная. Они с мужем уходили подальше от села, в скалах находили бухточки, где можно было загорать нагишом и предаваться любви. Вере казалось, что море смыло с них все горестные воспоминания. Что само время остановилось, и не было никакой войны, а они с Павлом возникли на этом скалистом берегу из лазурного небытия.

Маша, не успев отдохнуть с дороги, вышла на работу в фельдшерский пункт. Её муж, Аркадий, трудился в колхозе, а по вечерам приводил дом в порядок. Павел помогал ему с ремонтом.

– Павел, слезай с крыши, тебе руки беречь надо!

– Отстань ты от него, Маш, пускай постой отрабатывает, – смеялась Вера.

Они с Машей перебирали смородину на варенье. Сахара не было. Вместо него долго кипятили яблочный сок, пока он не превращался в густой сироп, потом варили в нём ягоды. С другими продуктами дело обстояло не лучше, но выручали рыбалка с огородом. Молодая картошка, кефаль и бычки на обед подавались всегда.

– Оставались бы здесь. Хирурги и медсёстры ой как нужны. Ну что вам в том северном городе? Здесь земля и море кормят! Благодать ведь! – всё чаще говорила Маша.

– Нет, Машенька, пора нам. Спасибо тебе, но надо возвращаться.

Они и вправду загостились, забыв в мирной безмятежности о времени.

Накануне отъезда Вера увидела на трусиках пятнышко крови. Месячные вернулись.

Добрались до Ленинграда в середине августа. Вера так истосковалась по городу, что от Московского вокзала на Васильевский остров повела Павла пешком. Казалось, что улицы, площади, мосты, гранит набережных приветливо расстилаются перед ней. Ленинградский воздух обнимал, как старый друг, такой же израненный и побитый войной.

Дом бабушки уцелел. На стук открыла соседка по коммуналке, тётя Галя. Она не сразу узнала Веру, а когда поняла, кто перед ней, вдруг побледнела, разволновалась, стукнула в дверь бабушкиной комнаты:

– Ася, это к тебе!

И убежала к себе.

«Чего она так испугалась? Неужели Галина донесла на меня?»

В коридор выглянула женщина лет тридцати пяти:

– Вы ко мне?

– Здравствуйте! В этой комнате жила моя бабушка, Елизавета Денисовна Шувалова. Я хотела бы узнать о её судьбе.

– Заходите, – пригласила их женщина.

Комната сильно изменилась: чужая грубая мебель, некрашенные доски вместо паркета, голое окно без портьер.

– Мы здесь недавно, зимой сорок пятого переехали. Вашу бабушку я не знала. Рассказывали, что она умерла первой зимой. Нашли её в кресле у стола со стопкой писем в руке.

– Осталось что-нибудь из её вещей? Я не прошу ничего ценного. Мне нужны фотографии, блокноты, письма.

Ася покачала головой:

– Комната была пустой, даже пол сняли. Хотя постойте. – Она достала с посудной полки фарфоровую чашку со щербинкой на ободке, а из письменного стола – старую перьевую ручку.

Чашка, судя по изяществу, принадлежала бабушке, но Вера такой не помнила. А вот ручка была ей знакома.

– Можно, я заберу ручку?

– Конечно. Давайте заверну, а то испачкаетесь. Галина прожила здесь всю блокаду. Она должна знать, что стало с вещами. Расспросите её.

Вера покачала головой. Ася понимающе кивнула. Видимо, у неё с соседкой тоже не сложилось добрых отношений.

– Ася, меня или бабушку никто не искал?

– Нет, при мне не приходили.

– Пожалуйста, если придут, передайте, что Вера жива и вернулась в Ленинград. Пусть скажут, где их найти. Я зайду через два-три дня, как устроимся, и оставлю адрес.

Близился вечер. Вера с Павлом зашли ещё в квартиру на Мойке. Новые жильцы оказались неразговорчивыми. А узнав, что семья Шуваловых попала в лагерь, захлопнули дверь.

На ночь устроились в чужой парадной. Перекусили сушёной рыбой и яблоками, собранными в дорогу заботливой Машей. Вера положила голову на колени Павла и, несмотря на горестные мысли, вскоре уснула.

Кто-то коснулся её плеча. Вера открыла глаза: рядом на ступеньке сидел Станислав Иванович:

– Здравствуй, Верочка. Давно мы не виделись.

– Здравствуй, дедушка. Мы победили Гитлера.

– Знаю. И весьма доволен. Скажи мне, Верочка, неужели ты оставишь безнаказанной соседку, что дала умереть Лизоньке, а потом обокрала её?

– Дедушка, но что я должна сделать? Убить Галину?

– Зачем же убить? Тебе не надо ничего делать, ты и так постояла за честь доброго имени Шуваловых. Только скажи, что хочешь её наказать, остальное мы сами сделаем.

– Да, хочу.

Станислав Иванович растаял в воздухе.

Ленинград оказались не нужны ни в хирурги, ни в медсёстры. Ещё месяц назад требовались и те, и другие, но после войны в северную столицу в поисках лучшей доли потянулся народ из глубинки. Вера корила себя за поездку на море.

Жильё иногороднему Павлу не полагалось, а у Веры Ленинград в паспорте значился лишь местом рождения. Страничка прописки была пуста. Узнав, что отец Веры – враг народа, от неё просто отмахнулись.

Ничего не удалось узнать и о родителях.

Вера с Павлом отправились в облздрав в надежде устроиться в ближайший пригород.

– Ну, нет вакансий. По области – пожалуйста. А здесь нужны педиатры, окулисты, гинекологи, в конце концов... Война наделала хирургов в избытке.

Для Павла не имело значения, куда ехать. Выбирать он предоставил Вере. Но её не устраивала область.

– Вы можете переквалифицироваться, – предложили им.

Не могли. Для этого нужно было где-то жить и работать.

– Тогда такой вариант: в отдалённых труднодоступных регионах острая нехватка кадров. По своей воле ехать туда никто не хочет. Поэтому, если вы согласитесь отработать пять лет, вас поставят в очередь на получение жилья, которая если и не подойдёт за этот срок, даст право на льготное внеочередное распределение.

Вера с Павлом переглянулись. Пожалуй, иного варианта остаться в Ленинграде у них не было.

– Вот вам на выбор: Казахстан, Сахалин, Приморский край, Коми АССР.

Казахстан Вера отмела не рассматривая. О Коми же бабушка писала, что туда сосланы родители.

– Расскажите о Коми.

– Село Новый Бор за полярным кругом, на реке Печоре. Вокруг тайга, тундра и болота. Население около полутора тысяч человек. Есть совхоз, который снабжает продовольствием воркутинских шахтёров. Из минусов: суровые климатические условия и отрезанность от других населённых пунктов. Летом можно добраться по реке, а зимой... Хрен его знает, про зиму не сказано.

– Мы согласны.

– Отлично. Тогда оформим вам путёвки, проездные документы и – в добрый путь. Советую поторопиться – в сентябре заканчивается навигация. С путёвками вам выдут талоны на питание. Можете обедать по ним в столовых больниц, там же возьмёте сухой паёк в дорогу.

Перед отъездом Вера зашла к Асе, чтобы оставить письмо родным.

– Ася, можно, я вам напишу, как доберёмся? Оставлю точный адрес.

– Конечно. Ой, Вера, у нас такое случилось! Галина попала под трамвай! Ей обе ноги отрезало. Но, самое невероятное, она видела Елизавету Денисовну.

– Бабушку? Но как?

– Когда Галя пришла в себя, то рассказала сыну, что стояла на остановке, её кто-то тронул за плечо. Она оглянулась: это была Елизавета Денисовна, очень сердитая. Галя начала пятиться и споткнулась о рельсы, а в это время трамвай подошёл. По ногам ей и проехал.

– Бред какой-то...

– Ваша бабушка и в больнице её не оставляет, всё упрекает. Галина просила вас найти, чтобы покаяться.

Вера вспомнила сон и обещание Станислава Ивановича наказать соседку.

– Я не поп, чтобы мне исповедовались. А её покаяние не воскресит бабушку. Прощайте, Ася.

Вечером сели в поезд. Плацкартный вагон был забит до отказа. Вера стояла у титана и ждала, пока тот вскипит. Кто-то толкнул её в спину:

– Иди в соседний вагон, там самовар только поспел.

– Самовар? В поезде? – Она обернулась, но сказавший о самоваре уже смешался с другими снующими пассажирами.

Соседний вагон поразил своим убранством из полированного дерева, тёмно-красного бархата и позолоты. В одном из купе за самоваром восседал Станислав Иванович.

– Заходи, Верочка, будем чай с калачами пить.

Стол был заставлен блюдами, которые иначе как яства и не назовёшь: перепела с черносливом, осетрина, расстегаи, варенье из крыжовника.

– Куда ты едешь, Верочка?

– В Новый Бор, это далеко на севере.

– Что же ты не осталась в Санкт-Петербурге?

– Для нас нет работы. И негде жить.

– Но, позволь, у Шуваловых там квартира и дворец.

– У Шуваловых давно ничего нет.

– Но твой отец... Он же сражался за новую власть. И это её благодарность? И ты воевала за эту страну?

– Дедушка, я не воевала, а спасала воинов. И на войну пошла ради нашего мира.

Старик в задумчивости помешал чай и сменил тему:

– Как тебе наказание для соседки?

– Так это вы? Значит, бабушка тоже в нашем мире? Почему она не приходит ко мне?

– Это была не Лизонька. Обычный морок. Соседка видит то, чего боится.

– Дедушка, но бабушка с тобой?

– Нет, Верочка.

– Но ведь бабушка так тосковала по прежней России.

– Лиза видела её погибель и не нашла бы у нас покоя.

Павел тронул Веру за плечо:

– Ты что здесь стоишь? Титан давно закипел. Я уже беспокоился, куда ты пропала.

Она и не заметила, как уснула стоя.

Глава 9. Новый Бор

Чем дальше на север, тем ниже нависало небо. Стволы деревьев истончались. Своей худобой они будто жаловались на скудность почвы, воды и воздуха. В Архангельской области двое суток ждали нужный поезд. После него пересели на пароход.

Северный конец августа походил на красно-рыжую середину осени. Вера стояла на палубе и смотрела на берег. Растительность становилась всё ниже, мимо всё чаще проплывали бескрайние пространства болот. Порой на протяжении десятков километров не встречалось никаких поселений. После границы Коми солнце не выходило из-за туч.

«Ленинград называют городом без солнца. Эти же места вообще без жизни».

Ближе к Новому Бору участки леса попадались всё реже: до самого горизонта расстились тундра да болота.

На двенадцатый день пути добрались до места. На пристани их встречал мужичок с телегой.

– Вы дохтора будете? Я Игнат Степанович Токмаков, староста. Забирайтесь, поехали.

При виде села Веру обдало ознобом: вместо деревенских домиков вдоль улицы выстроились ряды бараков, таких же, как в Казахстане.

– Почему тут бараки?

– Так поселение для ссыльных. Да вы не переживайте, уголовников у нас нет. Одни раскулаченные и политические. Народ порядочный. Правда, последние годы тут пленных немцев прибавилось...

– Немцы? И без надзирателей?

– А куда бежать? Вокруг болота, гнус да зверьё. Да ты не бойсь, дочка. Тут одни бедолаги подневольные: не сами они войну для себя выбрали.

Подъехали к небольшому одноэтажному строению.

– Это и есть больница. За ней – ваша изба. Там с утра наша фельдшерица, Раиса Григорьевна, порядок навела, печь протопила.

Из трубы и правда шёл дым. На крыльце их встречала женщина лет пятидесяти:

– Добро пожаловать. Нам теперь вместе работать. Вас как величать?

Вера с Павлом представились.

– Вы городские? Проходите, объясню, как с печью управляться да где воду набирать. Я сама городская, Коломенская. В двадцатом за мужем сюда уехала. Он скоро пятнадцать лет как помер, а я так и выросла в это село.

В доме пахло едой. Раиса Григорьевна достала из печи чугунок с картошкой и сковороду с печёной рыбой. Показала на полки, скрытые занавеской.

– Тут вам на первое время бельё и из посуды чего. Моя изба за палисадником. Заходите, если чего нужно.

Дом изнутри оказался одной большой комнатой, разделённой печью. В передней части – кухня, за печью – спальня. В кухне – подпол. Во дворе – баня. Это было первое жилище семьи Горюновых.

На следующий день Вера занялась уборкой в доме и во дворе. К калитке подошла крупная женщина:

– Здравия хозяйюшке! Как устроились?

– Здравствуйте. Вроде бы жить можно.

Женщина без приглашения прошла во двор:

– Держи, это яички, утром только собрала. Вы ещё по богатому начинаете. Нашу семью в двадцать втором – мне тогда двенадцать годков только исполнилось – привезли и оставили среди болот километрах в десяти от Бора. Как хочешь, так и живи. Первый год в землянке обитали, потом уже на село вышли. Барак нам хоремами казался. А зовут меня Зинаидой.

Зинаида заглянула в сарай:

– Вечером мужа пришлю, подправит кой-чего тут, устройшь курятник. Пару несущек дам, с яичками будете. Запас продуктов есть?

– Н-нет...

– В конце сентября баржа с крупой, мукой, картошкой приплывёт. Набирай на год вперёд. Как лёд встанет, поставок больше не будет. С мясом и молоком проблем у нас нет, а вот с овощами и хлебом беда. Лето короткое и холодное, урожай не каждый год поспевает. Завтра после утренней дойки зайду за тобой, пойдём в лес за брусникой. А скоро и клюква подойдёт. Без ягод зимой никак, иначе цинги не миновать.

– Я в больнице с утра...

– Ты тут круглые сутки в больнице. Вас и среди ночи больные поднимут. Но о себе не забывай: через месяц снег ляжет. Запасайся, пока можно.

Утром Зинаида показала лес за селом. Вери поразили покой и величие северной природы. Среди тёмно-зелёных елей багряными кострами горели рябины и осины. От золота берёз в пасмурный день казалось солнечно. Ноги утопали в белом сухом мху. И в этом разноцветье, словно на скатерти-самобранке, были рассыпаны лесные богатства. Набрали не только бруснику, но и по ведёрку белых грибов. Зина научила, как их засушить на зиму.

– Завтра опять пойдём. Грибы уже отходят. Места у нас благодатные. Кругом тундра, а здесь лес. Это урановые залежи землю греют.

Не одна Зинаида проявила радушие. С обустройством помогали всем миром: кто дровами, кто продуктами, кто тёплой одеждой из оленьих и волчьих шкур. Из меха шили и обувь. Высокие сапоги, перетянутые ремнями, назывались унты, а расшитые меховые валенки – пимы.

К концу сентября поспела клюква, и Зинаида повела Веру на болото.

– К морозам клюква стойкая, но всё равно поспешить надо, пока снег не выпал. Да и дни уже короткие, – объясняла Зина. – Хорошо, если неделя на сбор будет.

Болото расстилалось красным ковром. Всё было усыпано бусинами ягод. Сделав шаг, Вера тут же попятилась – сапог до середины утоп в мокром мху.

– Не бойсь: дёрн держит. – Зина шагала уверенно. Поверхность болота колыхалась под её ногами. Вера пересилила страх и пошла следом.

Снег выпал в начале октября. Ударили первые морозы. Дел в больнице было немного – селяне заглядывали больше из любопытства.

В декабре солнце вовсе перестало показываться над горизонтом. Бесконечную ночь лишь на пару часов сменяли сумерки. Сени и дальние от печки углы покрылись толстой коркой льда. Бревенчатые стены избы кряхтели, точно живые. От дома к больнице натянули верёвки, чтобы не заблудиться в пургу. Снег оглушающе скрипел под валенками. Густой воздух обжигал лёгкие, а ресницы и брови покрывал иней.

Единственным развлечением по вечерам были книги. Вера с Павлом устраивались рядом с тёплой печкой и читали вслух по очереди. Тусклая лампочка под потолком непрестанно мигала от перепадов напряжения, порой электричество вовсе пропадало на несколько часов, и тогда до рези в глазах читали под керосинкой. Вера млела от счастья. Никогда она не испытывала такого единения с мужем, как в эти зимние вечера.

С началом навигации Павел собрался в Ленинград за новым оборудованием для больницы. Вера очень хотела поехать с ним, но боялась бросить хозяйство. Решила сомнения Зинаида:

– Верка, ты совсем баба-дура? Кто ж такого мужика одного в город отпускает?

– А чего с ним случится? Не заблудится же. Мне картошку сажать надо.

– Вот съездишь – сама поймёшь, чего. Не пропадёт твоя картошка: земля ледяная ещё. И не факт, что уродится. Езжай, мы с Раисой присмотрим за хозяйством. Заодно и нам заказы привезёшь.

О чём говорила Зинаида, Вера поняла, едва они с Павлом вышли с вокзала: Ленинград заполнили нарядные женщины. Шляпки, яркие платья, туфли на каблуках, замысловатые причёски, маленькие сумочки, красные губы и даже белые перчатки. Только год минул после войны, продукты распределялись по карточкам, но каким-то непостижимым образом городские модницы умудрялись раздобыть наряды. Быстро же произошёл этот бурный расцвет женщин без мужчин, потерявших мужчин, и боящихся их потерять.

Навстречу под руку шли две красотики. Они открыто улыбались Павлу, глаза светились манящим призывом. Веру удостоили презрительным взглядом.

– С таким мужчиной такая замухрышка, – услышала она за спиной.

Вера поймала своё отражение в окне вокзала: тёмная мятая юбка, растянутая шерстяная кофта, небрежно собранные в пучок отросшие волосы. И хромота.

«Надо сходить в парикмахерскую. И приодеться. Павел не слепой. А тут столько одиноких женщин в поиске».

Устроились в гостинице для командированных медиков. Павел торопился, дал Вере только наскоро умыться и потащил по делам больницы. После отправились в парикмахерскую.

После стрижки Вера попросила уложить волосы на модный манер.

Павел ждал жену на улице и провожал глазами проходящих женщин.

– Что, красивая пошла? – язвительно спросила Вера.

Он вздрогнул от неожиданности:

– Вер, а давай купим тебе платье.

В отделе женской одежды Павел выбрал небесно-голубое платье с оборками. Примерив его, Вера вышла в зал. Большое зеркало отразило хрупкую фигурку, однако стоило сделать пару шагов, как хромота развеяла всё очарование. Но Павел смотрел с обожанием:

– Какая же ты красивая! Кажется, я привык к тебе раньше, чем успел рассмотреть.

– Паш, не слишком ярко? Мне как-то неловко, будто хромота заметнее стала.

Вера сняла платье и принялась выбирать сама. Ей приглянулось тёмно-синее в белый горошек. К нему подобрали белый кружевной воротничок. Ещё взяли шерстяное в клетку. Вспомнив Зинаиду, настоявшую на поездке, Вера выбрала ей вишнёвый сарафан. Уже расплачиваясь, Павел вернулся за голубым, что так ему понравилось. Тратиться в селе было не на что, поэтому к поездке у Горюновых скопилась приличная сумма, и они могли позволить себе некоторое транжирство.

Потом приодели Павла. Он сменил военную форму на костюм с белой рубашкой и галстуком. Теперь Вера с восхищением следила за преображением мужа.

Павел добился, чтобы Веру приняли в институте травматологии и ортопедии. Первым делом сделали рентген, после чего светила медицины долго осматривали колено. Вынесли обнадёживающий вердикт: ногу можно удлинить и вернуть некоторую подвижность суставу. Оперировать готовы были хоть завтра, но Веру испугало, что в больнице придётся провести

около четырёх месяцев. Она не хотела оставлять мужа так надолго, к тому же за это время закончится навигация. Тогда рассмотрели вариант, чтобы оперировал сам Павел. Для этого необходимо было пройти пару недель обучения.

Пока муж корпел над методами удлинения конечностей, Вера гуляла по Ленинграду. За год город хорошо залечил раны. Следов войны осталось ещё с лихвой, но всюду велись строительство и реставрация.

Выполнив заказы сельчан, Вера решила навестить Асю. Хозяйка бабушкиной комнаты не сразу узнала в нарядной молодой женщине фронтовичку, с которой познакомилась год назад.

– Вера! Как же вы похорошели!

– Спасибо, Ася. Мои не появлялись?

– Нет, никого не было. Вы не волнуйтесь, я всё передам и вам напишу. Ой, вы же не в курсе: Галину в психиатрическую забрали. Так ей бабушка ваша и чудится. Несколько раз пыталась руки на себя наложить. Может, проведаете её? Вдруг и вправду отпустит?

Вера вспомнила разговор со Станиславом Ивановичем в поезде.

– Нет, Ася, я Галине ничем не помогу. Она видит то, чего боится. А боится, потому что ей стыдно за содеянное. Сколько бы я ни отпускала грехи, совесть её не оставит.

Вечерами Вера знакомила мужа с Ленинградом. Павел восторгался красотами северной столицы, но родным себя здесь не чувствовал.

Оборудование для больницы наконец укомплектовали. Пора было возвращаться. Вера вдруг поняла, что соскучилась по селу, по дому, по больнице и по Зинаиде с Раисой.

По возвращении Павел хотел немедленно приступить к операции, но в рутине дел Вере было не до ноги. То картошку пора сажать, то морошка поспела. Потом пошли грибы, а за ними – брусника, без которой зимой никак.

Павел наблюдал, как Вера копается на грядках, приседая на правой ноге и откидывая в сторону негнущуюся левую.

– Вера, сколько откладывать можно?

– Подожди, скоро клюква. Что, не нравлюсь хромая?

– Я женился на дуре. Вер, тебе же самой легче станет. В старости совсем измучаешься. Ты операции боишься?

– Да не боюсь я. Правда, Паш, не до ноги сейчас. Давай зимой.

Но Вера боялась. Только не операции, а что Павлу придётся ухаживать за ней несколько месяцев: подносить судно, мыть и кормить. Ей казалось, это слишком унижительная роль для мужчины, а сама она в беспомощном состоянии потеряет для него всякую привлекательность.

С приходом зимы Вера поняла, что ждёт ребёнка. Операция откладывалась на неопределённый срок.

Узнав о беременности, Павел стал чрезвычайно деятельным. Как только на реках встал лёд и накатали зимнюю дорогу, называемую попросту «зимник», во все концы от будущего отца полетели заказы. Вскоре в доме появились швейная машинка, отрезы ситца и фланели на пелёнки и распашонки, бутылочки, соски, коляска и даже молодая коза. Краснодеревщику из Усть-Цильмы Павел заказал детскую кроватку-качалку с резным изголовьем.

Вера не узнавала мужа. Отрепённый человек, с которым она познакомилась три года назад, исчез без следа. С приездом в Новый Бор Павел будто ожил, окунулся в деревенский быт, с удовольствием взялся обустривать дом, полюбил охоту с рыбалкой.

Он оберегал беременную жену от тяжёлой работы и тревожных мыслей. Вечерами, когда Вера вязала крохотные носочки и кофточки, Павел читал вслух добрые и светлые истории. Следил, чтобы она гуляла на свежем воздухе и не забывала вовремя поесть. В его кабинете появились книги по акушерству и гинекологии, ведению беременности и уходу за младенцами. Порой Вера ревниво думала, что так Павел стремится искупить вину перед погибшим женой и дочерью.

В одну из июльских ночей Вера проснулась от схваток. Вдруг отчётливо поняла, что будет дочка. Тихо, чтобы не разбудить мужа, вышла во двор, в белую ночь.

«Если и правда родится девочка, то назову Лизой, как бабушку».

Павел, проснувшись под утро и не обнаружив жены рядом, поднял ужасную панику, выдернул из постели Раису, отнёс Веру в больницу, хотя схватки были редкими и воды ещё не отошли. Дочь родилась спустя двенадцать часов, здоровая, с отличными рефлексами.

– Паш, можно мне её покормить? – Вера с ребёнком отдыхали в палате. Павел не отходил от них.

– Конечно, можно. Она, наверное, голодная.

– Давай Лизой назовём? Как бабушку.

– Красивое имя. Елизавета Павловна.

– Лиза, Лизонька... – Вера вдруг расплакалась от нахлынувших воспоминаний о страшной бабушкиной смерти.

– Верочка, не надо. Не дело, если каждый раз над ребёнком слёзы лить будешь. Давай назовём Надюшкой? И будем жить с Надеждой.

Наденька унаследовала тонкое сложение и светлые волосы матери. От отца ей достались карие глаза. Малышка оказалась на удивление спокойной и улыбчивой. Вера даже тревожилась, почему она почти не плачет. Но иных причин для волнений не было: девчушка развивалась как положено, набирала вес и радостно гулила.

С рождением ребёнка забота Павла удвоилась. Он сам стирал пелёнки и вставал ночью к дочке, чтобы у жены от недосыпания не пропало молоко. Зинаида, зайдя однажды в гости и застав Павла за стиркой, поразила до глубины души.

– Верка, мужик у тебя – золото. Вернётесь в Ленинград – гляди в оба! После войны и самые захудалые в цене, а за таких, как твой Павел, бабы друг другу глотки перегрызут.

Вера и сама с тревогой думала о возвращении. Скоро минует половина срока их отработки в Новом Бору. Как Павел поведёт себя в городе? Сейчас он весь в домашнем хозяйстве, которому в деревне нужна крепкая мужская рука. Куда в Ленинграде он направит свою энергию? К тому времени их браку исполнится пять лет. Чувство новизны уйдёт, а вокруг будет столько свободных и манящих женщин со стройными ногами.

Проблему решил сам Павел. Однажды январским вечером Вера кормила Надюшу грудью. Муж читал им вслух: малышка хорошо засыпала под голос отца. На этот раз выбрали рассказы Джека Лондона о Клондайке. Павел вдруг остановился:

– Вера, а ведь там так же, как у нас. Север каждому показывает, чего ты стоишь, на что годишься. После Аляски люди не могли приспособиться к жизни в городе. Она становилась для них слишком пресной. Я чувствую, что только здесь и живу, только здесь и нужен. Как на войне, только без убийств.

Павел замолчал, что-то обдумывая. Затем решил:

– Давай останемся? В Ленинград каждое лето сможем ездить.

Вера ещё только осмысливала его слова, а губы уже растянулись в счастливой улыбке. Муж снова спросил:

– Знаешь, мне на днях сруб из кедра предложили. Большой, как пять наших комнатушек. Берём?

– Берём. Я хочу ещё детей.

Глава 10. Дедушка

На следующий день Вера проводила Павла на работу, укачала дочку и сама прилегла отдохнуть. Разбудило её гуление Надюши. Вера открыла глаза: у кровати сидел Станислав Иванович и с умилением смотрел на малышку.

– Дедушка?

– Вот, заглянул на Лизоньку полюбоваться.

– Её зовут Надя.

– Почему же не Лиза?

– Потому что я не могу спокойно произносить имя бабушки.

– Это муж тебе подсказал? Знаешь, Верочка, я молчал, когда ты выходила замуж за человека не нашего сословия. Что делать, рассуждал я, в варварской стране выбирать не приходится. Этот хоть образован, и манеры не дурны. Я стерпел, когда он решил, как назвать наследницу Шуваловых, хотя твоей бабушке было больно от забвения. Но теперь ему вздумалось остаться в этом болоте, обречь графинь копать в навозе вместо того, чтоб блистать в Петербурге. А как же образование для Лизоньки?

– Её зовут Надя! Дедушка, он мой муж, и я поддерживаю его во всём.

– Значит, мнение семьи Шуваловых тебя уже не трогает? А не напомнить ли тебе, благодаря кому ты жива? Ты не выдержала бы и трёх дней на войне без нашей защиты!

– Спасибо. Но что особенного в помощи родственнице, если это было в ваших силах?

– Что ты знаешь о силах, девчонка! Я не спас собственного сына, но в тебе видел будущее нашего мира. И вот благодарность! Но я заставлю тебя вспомнить о семейных традициях!

Вера проснулась в холодном поту. Станислав Иванович не кидался пустыми угрозами. Сердце сжалось от предчувствия беды.

Немного отдышавшись и успокоившись настолько, чтобы здраво соображать, она попыталась разобраться в своих страхах: «Чего я боюсь? Почему решила, что Станислав Иванович и его угрозы реальны? Из-за наказания для Галины? Но где доказательства, что всё произошло именно так? Галине являлась бабушка? Неудивительно: галлюцинация случилась после нашей встречи. Соседка испугалась, увидев меня живой. Что же произошло в блокаду? Не верится, что бабушка умерла от голода: она и до войны ела как птичка, соблюдала все посты. Пайка по карточкам ей бы хватило. Жаль, что я тогда не встретила с соседкой. Возможно, бабушка ослабла настолько, что не могла сходить за хлебом, а Галина ей не помогла. Или того хуже – украла карточки. Станислав Иванович не открыл ничего нового, просто озвучил мои догадки. В следующий раз мы виделись в поезде, вечером того дня, когда я узнала о несчастье с Галиной. Но почему он никогда не говорит о других родственниках? Ведь бабушка – Шувалова по мужу. Почему он молчит о дедушке, истинном Шувалове? Не оттого ли, что он умер до моего рождения и я его не знала?»

Вера достала лист бумаги, карандаш и села к столу. Надо разобраться, возможно, Станислав Иванович – плод её больной фантазии. Когда она увидела его впервые? Во сне, в саратовском госпитале? Станислав Иванович повёз Веру на прогулку. Он спрашивал, почему она ушла на войну. Но те самые вопросы тревожили Веру и наяву. Ничего сверхъестественного: сон навеян реальностью.

Второй раз они встретились на балу. Станислав Иванович убеждал Веру вернуться на фронт. Она и сама в то время думала об этом, боялась оказаться выброшенной в захолустье тыла и остаться там навсегда. Дедушка озвучил её страхи. А когда Веру раздели посреди бала, это символизировало слабость перед насилием, если она оставит борьбу за свою судьбу.

Сейчас же старик появился, потому что Вера отступилась от обещания вернуться в Ленинград. Она действительно немного сожалела, что так легко отказалась от своих планов.

«Хорошо бы вспомнить, где в жизни я видела его лицо. Возможно, среди бабушкиных фотографий. Получается, я придумала Станислава Ивановича и наделила его той внешностью, которая неосознанно отложилось в памяти. Приходит он только во сне».

Вера вспоминала убежище из кокона. После того, как верить стало не во что и стремиться не к чему, она пряталась в нём среди бабушкиных воспоминаний. С войной всё изменилось: здесь каждый миг мог стать последним. Нырять в кокон, Вера просила у него защиты, и он стал непроницаемым. Первый год войны она провела словно во сне, укрываясь в придуманном мире. Он снился ей, но в снах не было ничего необычного. Другое дело видения со Станиславом Ивановичем. Они были реалистичны и запоминались до мельчайших подробностей. Родственник являлся, когда у Веры возникали конфликты с разумом?

Теперь ей хотелось увидеть старика и убедиться, что он плод её воображения. Но прошла неделя, за ней месяц, а Станислав Иванович не приходил. Наверное, разобравшись в причинах, Вера избавилась от деда и его угроз.

Февральским вечером к больнице подкатила собачья упряжка, с неё соскочил человек в шкурах и скрылся в дверях приёмного покоя. Минут через десять домой прибежал Павел с чемоданчиком хирургических инструментов, второпях стал облачаться в тулуп, унты и меховые штаны:

– Вера, собери перекусить в дорогу!
– Что случилось?
– Оленевода медведь-шатун поломал. Еду на стойбище.
– Почему его сюда не привезли?
– Тяжёлый очень. Умер бы по дороге.
– Паш, не езд. Мне что-то нехорошо... Чувство плохое.
– Я должен, Верочка.
– Паша, я... Я не пушу! Ты куда не поедешь!
– Вера! Прекрати истерику! Ты знаешь, что поеду. Это мой долг врача!
– Паша... Паш... А я с тобой. Я помогу. Только Надюшку Зине отнесу.
– Что ты выдумываешь? Туда ехать три часа, а Зинаиде к утру на работу. И время потеряем. Каждая минута на счету! Давай быстренько собери поесть, завтра вернусь.
Вера резала хлеб с салом, сдабривая еду слезами.
Павел поцеловал мокрые щеки жены и уехал в ночь.

Часа в четыре утра Веру разбудило завывание ветра. Разыгралась снежная буря.
«Только бы Пашка не сорвался в обратный путь. Только бы переждал».
Сон больше не шёл. Вера поднялась и затопила печь.

Павел не появился ни в этот, ни на следующий день. На третьи сутки ветер стих. Вечером с улицы донёсся лай собак и крики каюра. Вера накинула на плечи шаль и выбежала встречать мужа. Нарты пронесли мимо дома и остановились у больничного крыльца.

Оленевод в шкурах топтался у входа, не решаясь пройти дальше. Завидев Веру, снял шапку:

– Доктор вернуца?
– Нет...
– Ай, беда...
– Да что случилось? Говорите!

– Два собака утро вернуца. Упряжь рвать. Доктор и каюр нет. Говорить ему, не ехать буря. Он не слушать, жена ждать...

Лицо оленивода поплыло в сторону. А потом стало темно.

Раиса напоила Веру успокоительным и отвела домой. На поиски Павла отправились все мужчины села.

Пришла Зина:

– Верка, хватит выть. Ты чего мужика загодя хоронишь? Морозов сильных не было, замёрзнуть не должны. Ну, сбились с пути в пургу... Отыщут.

Ночью поисковики вернулись ни с чем. Снова выйти решили с рассветом.

Пять дней прочёсывали тундру. Буря занесла все следы. На шестой день вновь задул ветер и пошёл снег. Поиски свернули.

Вера была на грани помешательства. Раз никто не хочет выходить в буран, она пойдёт сама. Раиса с Зиной силой вернули её в дом и вкололи снотворное. Провалившись в забытье, она во сне пробиралась сквозь пургу в тундре и искала мужа. День сменял ночь. Ей мерещилось, что под снегом что-то чернеет. Но всякий раз находила в сугробе то корягу, то камень.

Вдруг кто-то взял её за руку. Обернувшись, Вера увидела карлика в парике и ливрее.

– Пойдём, голубушка, меня Елизавета за тобой отправила.

– Бабушка?

– Нет. Матушка. Императрица.

– Зачем?

– Мужа твоего отыскать.

– Вы знаете, где он?

– А то! Во дворце, где ж ему быть.

– Почему во дворце? Он же в тундре пропал!

– Все дороги во дворец ведут. Сама посмотри.

За завесой снежной кутерьмы вырастали стены Зимнего.

Карлик вёл Веру по пустынным коридорам дворца, по пути открывая каждую дверь:

– Нет здесь твоего супруга?

Вера заглядывала в залы: везде пили, играли в карты. Раздавался хмельной хохот мужчин и визг женщин. Павла нигде не было.

Одна из комнат – спальня с огромной кроватью под балдахином – оказалась пустой.

– Вот и пришли, голубушка. Ты раздевайся, ложись в постель, а супруг к тебе придёт.

Карлик вышел и закрыл за собой дверь.

Вера послушно забралась на кровать и, как была в тулупе и валенках, укуталась в парчовое покрывало.

Из-за занавесей балдахина появился Павел, в той же меховой одежде, в которой уехал. Лицо скрывала венецианская маска.

– Паша? Где ты был?

Он молча лёг рядом. Его руки шарили под покрывалом, поверх Вериного тулупа, но как будто не находили её.

– Паш, что ты молчишь? Я думала, ты погиб.

Она сдёрнула маску. Под ней оказалось Яшкино лицо. Вера закричала. Яшка оскалился и упёрся кулаком ей в грудь, прижав к подушкам. Другой рукой ощупывал тулуп, ватные штаны и рычал от ярости. Вера вдруг поняла, что он не может её найти, потому что ищет голое тело. Сдавленное горло едва пропускало воздух, в глазах потемнело. Собравшись с силами, она прохрипела:

– Подожди, дай разденусь.

Яшка отстранился. Подтянув правую ногу, Вера саданула его валенком в лицо. Он ска-
тился на пол. Она вскочила и кинулась к выходу. Насильник успел схватить её за штаны.
Падая, она задела угол секретера и уронила золотую табакерку. Дотянувшись до неё, вытрях-
нула содержимое Яшке в глаза. Тот взревел от боли. Запустив табакеркой ему в голову, Вера
вырвалась и выбежала из спальни.

Искалеченная нога налилась тяжестью, словно чугунная. С трудом волоча её за собой,
Вера ползла по коридорам, открывая все двери. За каждой творились дикие оргии: мужчины с
женщинами, мужчины с мужчинами, женщины с женщинами, люди с животными, неведомые
уродливые твари с людьми и животными. В воздухе висел смрад.

Ослеплённый Яшка на ощупь пробирался следом. Из открытых дверей выползали чудо-
вища и присоединялись к погоне. Вера отчаянно искала выход.

Из ответвления справа подул свежим морозным воздухом. Она устремилась туда. В
конце тупика в распахнутых дверях балкона виднелась Александровская колонна на фоне баг-
рового неба. В коридоре копошились бородатые мужики и сбрасывали вниз какие-то мешки.
Вера заметила, что вдоль стен лежали мёртвые тела, и, не задерживаясь, выскочила на балкон,
перевалилась через перила, полетела на брусчатку. Однако упала не на камни, а на что-то мяг-
кое. На кучу трупов! Из дворца бросали ещё тела. Вера пыталась выползти, но мёртвые давили,
а сверху наваливались всё новые. Уже невозможно было пошевелиться и дышать под ними...

Живая тёплая рука схватила Веру и потащила вверх. Собрав остатки сил, она карабка-
лась, помогая неведомому спасителю, пока не выбралась на твёрдый пол светлого кабинета, к
ногам Станислава Ивановича. Старик улыбался:

– Видишь, Верочка, я снова тебя спас.

Ей не хватало сил подняться.

– Ты? Спас? Ты убил Павла!

Брови Станислава Ивановича поползли вверх:

– Ведь это ты его убила. Разве не из-за тебя он спешил домой в пургу? И потом, как бы я
мог? Я ведь галлюцинация. Хе-хе-хе... Хочешь проверить сие предположение? Тебе ведь ещё
есть кого терять.

В кабинет вошли дамы. Одна из них держала на руках Надюшу.

– Нет! Умоляю! Отдайте мне дочь!

Вера подбежала к женщине, но та передала ребёнка подруге, а она следующей. Дамы
смеялись, пока обезумевшая мать металась между ними.

Наконец Вера поняла, в чьей власти прекратить эту игру. Она упала в ноги Станиславу
Ивановичу:

– Дедушка, верни мне Наденьку. Что ты хочешь, чтобы я сделала? Уехала в Ленинград?
Хорошо, я уеду. И дочь воспитаю в традициях нашей семьи.

– Ты начинаешь умнеть. Что ж, я дам тебе шанс. А это, чтобы ты хорошенько усвоила
урок.

Старик размахнулся и наотмашь ударил Веру по лицу...

Туман рассеивался. Вера сидела на полу. Щека горела. Над ней стояла Зинаида и тёрла
руку.

– Зина?

– Рай, гляди, вроде в себя приходит.

Раиса с Наденькой на руках пряталась за печкой.

– Верка, ну ты нас и напугала. Хотели уже вязать и в дурку сдавать.

– Что случилось? – Вера с трудом поднялась, ноги едва держали, голова кружилась.

– Случилось? Да с тобой месяц как случается. До этого хоть лежала лёжмя, ни на что не реагировала. А сегодня беситься начала. Ты точно в себе?

– Вроде... Как месяц?

– А так. Кормили тебя с ложечки, с дитём по очереди сидели. Ты давай за ум берись: мужика горем не вернёшь, а дочку загубишь.

Учиться заново жить куда тяжелее, чем заново ходить. Тем более, если жить не хочется.

Вера просыпалась по утрам, топила печь, доила козу, варила Наденьке кашу. Теперь всё для Наденьки. Даже жизнь с невыносимой болью – ради Наденьки.

Вере остались воспоминания и крупинка надежды, что муж всё-таки жив. Пока не найдено тело – можно надеяться.

Чтобы унять тоску, Вера ныряла в кокон. Но прежние фантазии выдохлись, утратили силу. Павел из кокона походил на живого не более, чем кукла из папье-маше – на человека.

За время, проведенное в беспмятстве, перегорело молоко. Теперь Наденьку кормила коза.

Страдания оставили след и на лице: под глазами и на лбу залегли первые морщинки, в волосах появились седые пряди.

Наступил апрель. Оттепели перемежались с метелями. Лёд на реках стал ненадёжным, зимник закрыли. Новый Бор до начала навигации превратился в остров, отрезанный от остального мира.

С утра Вера управилась со скотиной и вычистила занесённые снегом дорожки во дворе. В доме сбросила фуфайку, поставила на плитку молоко для каши и заглянула в спальню: не проснулась ли Наденька. Вернувшись в кухню, вскрикнула от неожиданности: за столом сидел мужчина. Вера могла поклясться, что десять секунд назад его здесь не было. Гость казался знакомым.

– Станислав Иванович?

– Да, Верочка, это я. Решил явиться без маскарада.

С их последней встречи дедушка помолодел лет на двадцать. Пышные бакенбарды укоротились до аккуратных баков. Седая грива превратилась в короткую стрижку, волос потемнел. Да и одежда была современной, даже франтовской: тонкий чёрный свитер с высоким воротом, пёстрый пиджак.

На столе перед Станиславом Ивановичем появился дымящийся кофейник и тарелка с пирожными.

Вера опустила на лавку напротив.

– Я что, сплю?

– Нет, Верочка. Это явь. Давай выпьем кофейку. Только из парижской кофейни. – Станислав Иванович разлил напиток по чашкам. Дом наполнил горьковатый аромат.

– Ничего не понимаю. Как ты здесь?

– Я и не здесь. Это морок, очень реалистичный. Конечно, я мог бы просто говорить у тебя в голове, но не люблю наблюдать глупый вид оппонента при контакте такого рода. Приятнее беседовать глаза в глаза. А обсудить нам надо многое.

– Что нам обсуждать?

– Кажется, ты обижена на меня. Мне хотелось бы устранить недопонимание и восстановить наши добрые отношения.

– Зачем, если я не желаю тебя видеть? Я и живу-то через силу...

– О, Верочка, не криви душой. Ты всегда выбирала жизнь. О чём просила меня множество раз. И я не отказывал. Но всё имеет свою цену. За твоё очередное спасение расплачивался кто-то из близких.

– Я никогда ни о чём тебя не просила! – выкрикнула Вера и схватилась за край стола. Закружилась голова, в глазах потемнело, а когда прояснилось, она увидела, как в первом бою нырнула в кокон, услышала свой крик: «Помоги мне! Помоги!»

– Расплачивался кто-то из близких? Почему ты не сказал об этом?

– Ты не спрашивала. Но таков закон. Для успокоения скажу, что твоим родным был предоставлен выбор, и они предпочли умереть за тебя.

– С чего я должна тебе верить? Если ты утверждаешь, что спасал меня, почему дал изнасиловать в пятнадцать лет?

– Ты не просила защиты.

– Не просила?! Никогда в жизни я не взывала о помощи с таким отчаянием!

– Но взывала не ко мне.

– Убирайся из моего дома!

Черты лица гостя вдруг исказились. Перед ней предстал Павел:

– Вера, прекрати истерику! – произнёс родной голос.

Вера онемела от шока. Станислав Иванович вернул свой облик:

– Теперь ты готова выслушать меня? Как я уже сказал, за твоё спасение рассчитались родные. Но из семи жизней оплачены лишь шесть. Тебя не торопили с возвратом долга, пока ты не начала творить глупости. Ты хотела разорвать наш договор ради того, чтобы остаться в деревне. Я предотвратил это, хотя за твою выходку пришлось забрать Павла.

Вера в ярости вскочила и застыла от взгляда Станислава Ивановича. Он продолжил:

– Твой супруг сам сделал выбор. Позже я расскажу об этом. Но сейчас ты готова предложить всё что угодно за создание реалистичного морока с Павлом. Напомню, что за тобой ещё имеется должок. А для расплаты осталась только дочь.

Вера опустила на лавку:

– Что же мне делать?

– Для начала перестань придумывать пустые желания.

– Наденька умрёт?

– Почему вы, люди, вечно путаете жизнь со смертью? Заплатить жизнью не значит умереть. Достаточно посвятить её служению. Но от тебя зависит, каким оно будет. Кроме того, ты можешь сама отработать всё, что задолжала.

Вера осмысливала услышанное.

– Вы ведь не мой родственник? Кто вы?

– Верно, мы не в родстве. Но с людьми проще притворяться тем, за кого они тебя принимают. Я маргаст, страж границы Ирия. Или, выражаясь человеческими понятиями, демон, бес. О, не стоит ужасаться: наше служение Дьяволу придумали вы сами. Впрочем, в этом есть и моя заслуга: в молодые годы являлся должникам в устрашающем облике. Метод хорош тем, что позволяет быстро добиться желаемого, но этим же и плох: в страхе люди не способны рассуждать здраво, поэтому о свободе выбора речи не шло. В своё время мне пришлось ответить за небрежность. В целом же мы нейтральная связующая цепь, чья задача – совершенствование человеческой души через искушение и преодоление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.